

ХРОНИКИ АРХИТЕКТОРА

КАМЕННЫЙ КОД

КНИГА 1
СЕРГЕЙ КЭН

Хроники Архитектора

Сергей Кэн

Хроники Архитектора
Каменный код

«Автор»

2026

Кэн С.

Хроники Архитектора Каменный код / С. Кэн — «Автор»,
2026 — (Хроники Архитектора)

Айтишник из Москвы, случайно активировав древний артефакт, узнает, что является наследником рода предателя, столетия назад убившего могущественную ведьму. Теперь, чтобы выжить и искупить вину предка, он должен объединить магию и технологии, пока за ним охотятся те, кто жаждет власти над самим временем.

© Кэн С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Москва. Код и случайность	5
Глава 2 Сассекс. Тень прошлого	15
Глава 3 Ночная экскурсия	28
Глава 4. Первая кровь	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Кэн

Хроники Архитектора Каменный код

Глава 1 Москва. Код и случайность

Сассекс, Англия, 1876 год. Поместье де Богарне.

Ночное небо темнело, набирая мрак, как чернильная клякса. Ветер, разгулявшийся не на шутку, яростно трепал кроны столетних дубов и отчаянно барабанил сорвавшейся ставней по стене. Особняк погрузился в сон, и лишь в одной спальне, под сенью откинутого балдахина, кипела жизнь. Горели свечи, бросая трепетные тени на стены, и доносились тихие, счастливые стоны.

Он и она были поглощены друг другом, не замечая за окном надвигающейся бури. Яростный порыв ворвался в комнату, распахнув створку окна. Холодный ветер, проникнув внутрь, сорвал со стола разбросанные листы писем и с шипением погасил половину свечей, погружая комнату в полумрак.

Откинувшись на мокрых от пота простынях, они, тяжело дыша, застыли в объятиях, не в силах отпустить друг друга.

— Софи, ты мой Эдем... Ты, рай земной, — прошептал он, приподнимаясь на локте, чтобы коснуться губами её плеча.

Она провела пальцами по его щеке, но в этот миг ледяное дуновение вновь коснулось её разгорячённой кожи.

— Окно... Михель... Закрыть... нужно... Там настоящая буря разыгралась, — прошептала она, прижимаясь к нему плотнее. В тщетной попытке укрыться от надвигающегося урагана. Он лишь крепче обхватил её за плечи и стал притягивать к себе.

— Михаил... — начала она, но в этот миг за окном ослепительно блеснула молния, и оглушительный раскат грома поглотил её слова.

Воспользовавшись моментом Софи выскользнула из его объятий и, легкая, как тень, побежала к окну. Резким движением она захлопнула створку и обернулась к нему. Михаил, приподнявшись на кровати, не скрывая восхищения, любовался её силуэтом, освещённым вспышками молний, и той дикой грацией, с которой она вспорхнула к окну.

— О, Михель, в вас ни капли такта и стеснения, — она игриво выставила ножку вперёд и прикрыла грудь рукой, но улыбка не сходила с её губ. — Не подобает так взирать на обнажённую графиню.

— Я ослеп от красоты твоей и потому не вижу ни званий, ни условностей, — с комичной торжественностью он прикрыл глаза ладонью. — Приди же, богиня, и исцели меня скорей!

Он простёр к ней мускулистые руки, сложив ладони в молитвенном жесте. Софи, не в силах сдержать смех, снова кинулась в его объятия.

Пробегаючи мимо стола, она бедром задела массивную золотую цепь, свешивавшуюся с края. За её спиной раздался глухой, звенящий стук, заставивший её замереть на месте.

Резко обернувшись, Софи увидела на ковре у своих ног медальон в форме лунного серпа. Сердце её ёкнуло. Она наклонилась, подхватила его и, словно драгоценность, прижала к голой груди, зашептав что-то неслышное, успокаивающее.

Михаил, удивлённый её внезапной тревогой и переменой настроения, приподнялся на кровати.

— Софи, я уже начинаю ревновать тебя к этой безделушке, — произнёс он, и в его голосе не осталось прежней теплоты, лишь лёгкая, но колючая усмешка.

Она не удостоила его слов внимания. Вернувшись к столу, положила украшение на полированную поверхность и с почти религиозным благоговением провела пальцами по загадочным письменам, покрывавшим металл. Её прикосновение было таким нежным, будто боялась обидеть живое существо.

— Ты не понимаешь, Михаил. Это не безделушка, — её голос прозвучал приглушённо и серьёзно, а пальцы никак не хотели выпускать древний артефакт. — Это древний ключ...

— Ключ? Какая дверь может иметь столь диковинный замок?

Сверкнувшая молния и оглушительный раскат грома на миг остановили Софи. В грохоте стихии её пальцы судорожно сжали холодный металл, и острые грани впились в кожу. Раскрыв ладонь, она увидела капли крови, упавшие на поверхность амулета. И тут ей почудилось... нет, она увидела, что поверхность замерцала тёмным багрянцем.

— Так... что за дверь? — повторил он, и в его голосе уже не было ни любви, ни любопытства, а лишь хищный интерес.

Она обернулась. То, что она увидела, заставило её инстинктивно прижать медальон к груди и отшатнуться.

В сполохах молний перед ней стоял не Михаил. От человека, которому она отдавалась всем существом, не осталось и следа. Его поза, его взгляд...сейчас перед ней явился в ярких в пышках молний монстр в человеческой шкуре. Он прищурился, обнажив зубы в оскале, и его взгляд был устремлен к её окровавленной руке.

— И сказано... — его голос стал низким, хриплым рыком, чужим и утробным, — ...чтобы пробудить дремлющую силу, нужно смочить амулет в крови истинной ведьмы... Принести её в жертву...

— Что?... Что ты несешь, Михель? — она сделала шаг назад, оперевшись в край стола. Её разум отказывался верить в происходящее, цепляясь за последнюю соломинку. — Но... это твой подарок... Ты сам...

— Наивная дура! — его рык заглушил грозу. — Я годы ждал! Годы был песчинкой для этих снобов, для этих зажавшихся глупцов! Но судьба сжалилась... Указала на тебя. Ведьму. Всё, что нужно, — твоя кровь и завершённый ритуал. Теперь отдай мне моё!

Он шагнул вперёд и потянулся к артефакту. В этот миг новая вспышка ослепила их, а шквальный ветер с рёвом распахнул окно, ворвавшись в комнату вместе с ливнем. Михаил, ослеплённый и отвлечённый, инстинктивно прикрывшись от водяной стены.

Этих мгновений хватило.

«БЕГИ!»

Станный и чужой голос в её голове прозвучал так ясно, будто кто-то крикнул ей прямо в ухо. Софи, ни мешкая ни мгновенья, рванулась к двери, затем в тёмный коридор, к парадной лестнице. Забыв про все и не обращая внимания на наготу, она торопилась как можно дальше сейчас убежать, ведь перед её глазами так и стоял тот монстр в обличье любимого. Слёзы и дождь сливались на её лице, но она лишь крепче сжимала в кулаке амулет, чувствуя, как в неё вливается чужая, древняя сила, словно полноводная, тёмная река, наполняя тело энергией.

Михаил, захлопнув окно, обернулся. Спальня была пуста.

Он дико оглядел комнату, его грудь вздымалась от переполняющей ярости.

— Тебе некуда бежать, моя милая Софи... — прошипел он, натягивая сапоги и беря в руки пистолет. — Я не отдам то, что по праву должно принадлежать мне!

Дождь в Москве, это не стихия, а состояние души. Он не льет, а моросит, назойливо и бесконечно, превращая октябрьский вечер в размытую акварель грязно-желтых фонарей и мокрого асфальта. Вселенная, эта великая операционная система, выдавила из себя слишком много серых пикселей, забив оперативную память под завязку. Где-то там, наверху, главный

системный администратор явно запустил скрипт на вечную промозглость, и теперь всё зависло в этом бесконечном цикле осенней хандры, не реагируя даже на команду «Диспетчера задач».

Максим Орлов стоял у панорамного окна своей трёхкомнатной квартиры в новом доме в Хамовниках, прислушиваясь к монотонному шуму дождя за стеклом. Стриженные газоны жилого комплекса тонули в серой пелене, а огни машин на набережной плыли, как размытые пиксели. Интерьер за его спиной был безупречным и безликим, скандинавский минимализм, умный дом, всё в оттенках серого и белого. Это была не квартира, а интерфейс для жизни, удобный, функциональный и до тошноты пустой. Сейчас его занимал лишь мерный стук капель о стекло. Они упрямо пытались стереть за его пределами сущее, смыть эту серую реальность, но лишь оставляли мутные разводы на стекле, словно сбойный алгоритм визуализации в графическом движке. Его взгляд был устремлен не на улицу, а вглубь себя — в запутанную, многоуровневую архитектуру кода, с которым он бился последние три дня. Ошибка. Где-то там, в дебрях чужой, криво написанной библиотеки, затаилась одна-единственная строчка, которая сводила на нет всю его работу, все его попытки выстроить идеальную, работающую систему. Он чувствовал её, как занозу в мозгу, — невидимую, но отравляющую каждый следующий шаг, каждый вдох.

Последние несколько лет его жизнь состояла из таких вот багов — мелких, раздражающих, которые нельзя было просто взять и стереть к чертям. Непонимание с начальством, бесконечные дедлайны в успешном, но высасывающем душу стартапе. Иногда ему казалось, что он и сам — большой, живой баг в системе под названием «Взрослая жизнь», требующий сложного и болезненного патча, который никто не спешил выпускать.

Его взгляд скользнул по комнате, остановившись на Кате. Она сидела на диване, укутавшись в тот самый плед с оленями, который они купили вместе на ярмарке, кажется, в прошлой жизни. Тогда они ещё смеялись над его безвкусицей, и её смех звенел, заполняя всё пространство, как чистый, отлаженный код радости. Сейчас же она была поглощена экраном планшета, её лицо освещено холодным сиянием обложки диплома: «Феномен ведовства в культурном контексте Англии XVII-XVIII веков». Рядом дымилась кружка с чаем, в котором плавала половинка лимона и несколько листиков чего-то целебного. Между ними всего несколько метров, но дистанция ощущалась космической, словно их разделял не просто воздух, а разрыв в пространстве-времени, возникший из-за разных операционных систем.

Они давно перестали быть тем вихрем из совместных путешествий, ночных разговоров до хрипоты и спонтанных решений. Свадьба, о которой они когда-то мечтали, превратилась в абстрактную точку на временной шкале, которую отодвигали всё дальше — то из-за его авралов, то из-за её дедлайнов. Пыл их чувств не угас, нет. Он просто остыл, как чашка кофе, забытая на столе, покрываясь плёнкой недосказанности и тихой усталости, которую не мог исправить ни один «хотфикс» (срочное исправление критических ошибок в программном обеспечении). Максим переживал это молча, не зная, как вернуть тот самый «исходный код» их любви, который где-то затерялся среди его алгоритмов, кодов, протоколов и её манускриптов, свитков и пожелтевших фолиантов.

— Эй? Хьюстон? У нас проблема.... Оператор завис, требуется перезагрузка. Или это новый уровень медитации? Созерцание кружки с холодным кофе? — голос Кати, резкий и четкий, как команда на терминале, вывел его из ступора.

— А? Не, не завис... — Максим обернулся, снял очки и протер переносицу, оставив на ней красноватый след. На его лице застыло выражение вселенского страдальца, в чей райский сад влез червь системной ошибки. — В ад попал. Сразу на девятый круг, который отведён для программистов, вечно работающих с легаси-кодом.

Он сделал паузу, глядя на её склонённый профиль, освещенный голубоватым свечением экрана. *Скажи ей, — настойчиво стучало в висках, как назойливый системный процесс. Скажи, что ты скучаешь. Скажи, что всё это — ерунда, и давай просто сбежим. Куда-*

нибудь. — Мой код сегодня разумнее той игуаны, которую ты так отчаянно хотела завести на первом курсе. Помнишь, рассказывала, что она сдохла через неделю, потому что ты не знала, чем её кормить? Вот и мой код ведёт себя ровно так же — тихо умирает, а вот от чего — непонятно...

Он надеялся, что это вызовет улыбку, хоть какую-то искру прежней легкости, тот самый «пинг» отклика. Но Катя лишь фыркнула, не отрываясь от PDF-ки какого-то древнего манускрипта, ее пальцы быстро листали страницу за страницей.

— Не упоминай Татусю. Она была молчаливой по природе своей. А вот ты уже час как пялишься в окно, будто там прописано решение всех твоих проблем. Иди уже, сделай что-нибудь. Сходи к Тёме, тебе нужна смена обстановки. Помогите ему, он вчера опять жаловался на жизнь, что бизнес его «забуксовал на старте великого пути, как телега в весенней грязи». Цитирую!

Катя, как всегда, была права, как отлаженный набор команд. Сидеть и пялиться в окно, пытаясь отладить не только код, но и свои чувства, — не решение проблемы. Всего лишь отсрочка, бесконечный цикл самокопания.

Возможно, там, в этом хаотичном мире Тёмы, среди пыльных «раритетов» и наигранной самурайской мудрости, он найдёт хоть какой-то ответ. Или хотя бы на время забудет о зависшем проекте и о той невидимой стене, что медленно, но верно росла между ним и женщиной, которую он всё ещё любил больше всего на свете, даже самого идеального, безупречно работающего кода.

— Ладно, — сдался он, поймав свой усталый взгляд в отражении на тёмном экране монитора, где угадывались лишь контуры его собственного изможденного лица. — Может, хоть вид его нового «самурайского» халата с шиворот-навыворот драконами поднимет мне настроение. Или окончательно добьёт. Испытаю удачу, как в русской рулетке с шестью патронами.

В этот момент на столе завибрировал телефон Максима. На экране высветилось имя «ТЁМА-САМУРАЙ». Максим вздохнул, словно принимая неизбежное, и взял трубку.

— Братан, привет! Слушай, срочно тебя прошу, загляни ко мне! — послышался взволнованный, почти панический голос Артёма. — Получил партию умопомрачительных артефактов! Настоящая японская катана эпохи Эдо! Ну, почти. В смысле, не Эдо, но очень старая! Ты должен это увидеть, это же просто песня, а не клинок!

Максим скептически поднял бровь, хотя на том конце провода этого видно не было.

— Тёма, в прошлый раз твоя «старинная» катана благополучно распалась на две части, когда я попытался взять её в руки. Напомни, откуда она была, с «Али-экспресс» или из «Фикспрайса»? Мне просто для каталога ментальных ошибок.

— Макс, как ты можешь! — в голосе Тёмы зазвучала театральная, наигранная обида. — Это совершенно уникальный экземпляр! Я жизнь готов за него отдать! Просто... концы с концами надо свести, аренду платить... Ну ты понял. Зарплату же скоро получишь? Золотые руки твои должны же на что-то существовать!

Максим покачал головой, пытаясь сохранить строгость, однако усмешка уже пробивалась сквозь маску невозмутимости. Этот ритуал повторялся с завидной регулярностью, как ежедневный билд проекта.

— Ладно, ладно, буду через час. И да, привезу тебе кофе и тех самых пирожков, без которых «путь воина», по твоим же словам, немислим и теряет всякий самурайский лоск.

— Вот и славно! Жду, братан! Процветание и гармония должны посетить мое скромное пристанище! — Тёма просиял в трубке и бросил, словно отрубив связь.

— Ну что, самурай в очередной раз зовет на помощь? — спросила Катя, когда Максим положил телефон на стол с тихим стуком.

— Ага. Очередной «раритет с Али-экспресс» требует выкупа, — он поднялся с кресла и потянулся, его кости хрустнули, будто протестуя против смены позиции. — А ты не хочешь

составить компанию? Может, найдешь что-нибудь для своего диплома среди его «сокровищ»? Вдруг там завалился трактат по некромантии или рецепт зелья для умирения строптивого программиста?

— Я ещё полчаса посижу над этой главой, — Катя уже снова уткнулась в экран, проводя пальцем по строчкам древнего текста, ее брови были сдвинуты в сосредоточенной гримасе. — Доделаю вступление и догоню тебя. Обещаю. Как переведу этого упрямого латинского автора с его витиеватыми оборотами на человеческий язык.

— Ладно, — сдался он, поймав свой взгляд в отражении на тёмном экране монитора. Усталое лицо, тёмные круги под глазами, словно от долгой работы в неправильной цветовой гамме. «Надо выходить», — приказал он себе мысленно, как бы запуская скрипт на выполнение действия.

Одеваясь в прихожей в одиночестве, он слышал лишь назойливый стук дождя по крыше, монотонный, как метроном. Этот вечер явно складывался не по плану, словно кто-то переписал сценарий в самый последний момент. Единственным светлым пятном в нем мог стать разве что тот самый самурай в синем халате. Натягивая куртку, Максим мрачно размышлял, что даже поход к Тёме — это какая-то программа с заранее известным, предсказуемым результатом. Друг будет размахивать очередной безделушкой, он вручит ему деньги, они выпьют кофе, и всё повторится по кругу, как зацикленный алгоритм. Предсказуемо. Надёжно. И как-то... одиноко, несмотря на присутствие другого человека.

— По пути, купи молока! — крикнула ему вдогонку Катя, снова погружаясь в изучение судебных протоколов над салемами ведьмами, ее голос донесся из-за двери приглушенно. — Настоящего, а не той белой жидкости, что ты в прошлый раз принёс. А потом оправдывался глотая слова и глядя в пол!

Максим лишь мотнул головой, выходя на промозглую улицу, в объятия вечерней московской хмари. Холодный осенний ветер тут же обжег лицо, а дождь, который он так ненавидел, принялся методично, с почти машинной точностью заливать за воротник. Он ненавидел этот дождь. Ненавидел эту серую московскую хмарь, в которой тонули все тёплые воспоминания о лете, как архивные файлы на давно не чищенном жестком диске. Но ещё больше он ненавидел то, как эта хмарь проникала внутрь — в отношения, в работу, в душу, меняя их внутреннюю архитектуру без его согласия.

Спустя пятнадцать минут, промокший и слегка продрогший, он уже стоял под знакомой аркой, чувствуя, как капли с козырька падают ему за шиворот. Магазин Артёма располагался в арке старого дома, в двух шагах от шумной Садовой кольца, но словно в другом, параллельном измерении, где время текло медленнее, а законы экономики действовали с точностью до наоборот, напоминая сбой в матрице.

Пахло здесь пылью, старой бумагой, древесиной и сладковатым, немного удушающим ароматом дешёвых благовоний, которые Тёма жёг, «чтобы отогнать дух банкротства и привлечь дух процветания». Дух процветания, судя по всему, постоянно путал адрес, предпочитая более респектабельные места.

Сам виновник торжества сидел за прилавком, увлечённо начищая до блеска какую-то металлическую чашу, похожую на ту, из которой в кино кормят бездомных псов. На нём был тот самый халат — ярко-синий, с золотыми драконами, криво сидящий на плечах и делающий его похожим на потерявшегося члена китайской оперы, отчаянно пытающегося вспомнить свое место в партитуре.

— А, самурай! — Максим поставил на прилавок с таким видом, будто вручал государственную награду, пакет с двумя банками кофе «для офиса» и тремя пирожками с капустой, от которых уже начинал исходить соблазнительный аромат. — Привёз тебе гвоздь программы твоего бизнес-плана. Кофеин и быстрые углеводы. Основа выживания в суровом мире ритейла, где каждый покупатель — это воин, а каждая продажа — сражение.

Тёма вздрогнул и чуть не уронил чашу. Его глаза, обычно добрые и немного растерянные, были полны ложной, наигранной сосредоточенности.

— Макс! Не пугай так! Я почти достиг состояния «мусин» — сознания без мыслей! А ты врываешься, как ураган, со своим... своим меркантилизмом и прагматизмом, разрушая хрупкий дзен моего уединения!

— Ураган по имени «Реальность», — Максим окинул взглядом забытые самым разным хламом полки, с которых на него смотрели пустые глазницы фарфоровых кукол и тускло поблескивала дешевая бижутерия. Тут был настоящий археологический бедлам: от явно новых, но искусственно состаренных кинжалов с надписью «Сувенир из Дагестана», до потрёпанных книг в кожаных переплётах с заглавиями вроде «Тайны пирамид: наследие инопланетян». — Как путь воина? Не сломлен под натиском суровых рыночных реалий?

— Самурай не сломлен! — Тёма важно поднял палец, и рукав халата съехал, открывая татуировку с единорогом, сделанную в далёкой и беспечной юности, когда мир казался проще. — Он лишь проверяет свою стойкость в суровых испытаниях. Рынок — мой новый сёгун, беспощадный, но справедливый. Учусь у него. Каждая неудача — это урок. Каждый рубль убытка — это плата за знание, которое бесценно.

— И чему же тебя научил твой сёгун на этой неделе? — Максим с усмешкой взял с полки небольшую деревянную статуэтку кошки с поднятой лапой, на которой был толстый слой пыли. — Тому, что манеки-нэко из соседнего «Фикспрайса» не несут денежной удачи, а лишь привлекают пауков и моль?

— Это не просто манеки-нэко! — возмутился Тёма, почти выхватывая у него фигурку и бережно сдувая с нее пыль. — Это... уникальный экземпляр! Его благословил лично... один очень продвинутый человек... в теме. — Он многозначительно подмигнул, пытаясь выглядеть заговорщически, но вышло скорее так, будто ему в глаз соринка попала. — Он провёл с ним особый ритуал при полной луне. Теперь это не просто статуэтка, а мощный артефакт для привлечения клиентов и денежных потоков.

— Клиентов? — Максим оглядел пустое помещение, где в углу грустно покачивался на вешалке плащ-дождевик с вышитым драконом, который Тёма пытался продать как «халат мага высшего круга». — Тёма, тут кроме нас с тобой и пауков в углу, плетущих свою паутину в ожидании дивидендов, никого нет. Может, твой ритуал был направлен на привлечение именно пауков? Смотри, какой жирный на паутине сидит. Прямо преуспевающий бизнесмен-арахнид.

В этот момент в магазин, позвякивая колокольчиком над дверью, вошла Катя, сняв капюшон и отряхиваясь от дождя, словно мокрая кошка, попавшая под ливень.

— Ну что, как вы тут, великие воины? Уже нашли философский камень? Или хотя бы решили, что выгоднее — продавать заговоренные амулеты или сдать всё это в металлолом и купить на выручку нормальный кофе? — ее голос прозвучал насмешливо, но беззлобно.

— Катя! Луч света в тёмном царстве! — Тёма расплылся в улыбке, мгновенно забыв о пауках и неудачных ритуалах, его лицо озарилось неподдельной радостью. — Ты как раз кстати! Пока твой благоверный пытается разложить моё духовное начинание на голый прагматизм и сухие цифры, я для тебя кое-что приберёг! Настоящую жемчужину, ради которой стоит отложить даже самые важные дела!

Он с таинственным видом полез под прилавок, что-то там шуруша и громыхая, как будто перебирая сокровища в сундуке, и с торжеством извлёк оттуда небольшую, потрёпанную временем книгу в тёмно-коричневом кожаном переплёте без каких-либо опознавательных знаков. Он положил её на стойку с такой бережностью, будто это была не книга, а новорождённый младенец или священная реликвия.

— Держи! Редкость! Не-су-свет-ная! Дневник некоей леди из викторианской Англии. Как раз в струю твоего исследования. Полна всяких... э-э-э... мистических намёков и тёмных

тайн, зашифрованных посланий. Чувствуешь, какие исходят от него вибрации? Какие эманации?

Катя с привычным, натренированным скепсисом взяла книгу в руки. Переплёт был шершавым и потёртым на ощупь, а страницы пожелтели и истончились от времени, будто готовы были рассыпаться от неловкого прикосновения. Она аккуратно, с почти хирургической точностью, открыла её на случайной странице, и в воздухе пахло сладковатым ароматом тлена и старой бумаги.

— Тёма, милый, в прошлый раз ты с таким же блеском в глазах продал мне «личный дневник графини Дуфф Гордон», который при ближайшем рассмотрении оказался сборником любовных стихов какого-то студента филфака образца 1975 года. С очень сомнительными рифмами, я тебе скажу, и еще более сомнительными метафорами.

— Это был тактический ход! Чтобы проверить твою бдительность и умение отделять зёрна от плевел, истинные знания от подделок! — парировал Тёма, ни на секунду не теряя уверенности, как настоящий самурай перед битвой. — А это — стопроцентный оригинал, я чувствую это всеми фибрами души! Я его у одного коллекционера с многолетней репутацией выменял! Чувствуешь, какая энергия? Пахнет историей. Настоящей, невыдуманной. Не то что твои цифровые файлы.

Максим тем временем достал кошелёк, слыша, как шелестят купюры. «Очередные десять тысяч в чёрную дыру под названием «Дружба и авантюризм», — мелькнуло у него в голове. Но он уже даже не мог представить, чтобы проигнорировать этот ритуал, этот странный симбиоз помощи и развлечения. — Держи. На развитие твоего пути и покупку новых... Э... уникальных экземпляров, которые обязательно найдут своего ценителя. — Он протянул Тёме несколько замятых купюр.

Тёма сначала сделал вид, что не замечает денег, продолжая с энтузиазмом рассказывать Кате о «редчайших чернилах из сока ночного чертополоха, который цветёт только в полнолуние на могилах древних магов», но потом, с театральным, почти рыцарским вздохом, взял деньги и аккуратно положил их в резную деревянную шкатулку, на крышке которой был изображён тот самый благословленный единорог.

— Я приму эту жертву, ибо путь воина тернист и требует материальной опоры, увы, в этом бренном мире. Но я обязательно верну долг, когда моё дело воссияет во всей своей красе, как восходит солнце над Фудзиямой! Слово самурая нерушимо, как сталь клинка!

— Главное — не обожгись о это сияние, — пошутил Максим, разглядывая стопку старых географических карт с явно нарисованными от руки морскими чудовищами на полях, которые смотрели на него выпученными глазами.

Катя меж тем присела на скрипящий табурет, доставшийся Тёме в наследство от какого-то умершего ресторатора, и, отложив в сторону планшет, полностью погрузилась в изучение дневника. Скепсис на её лице постепенно сменялся живым, неподдельным интересом, глаза сузились, губы сложились в тонкую ниточку. Она водила пальцем по строчкам, шепча что-то себе под нос, словно заклинание.

— Странно... — наконец произнесла она громко, не отрываясь от чтения, ее голос прозвучал приглушенно. — Очень странно... Здесь какая-то иная логика.

— Что? Нашла рецепт зелья для роста волос? — поинтересовался Максим, откладывая в сторону карту, где у побережья Ирландии красовался гигантский спрут, пожирающий трехмачтовый парусник. — Или способ, как наконец отучить нашего кота драть обои в прихожей? Это было бы реально полезно.

— Тише, не мешай, — она отмахнулась, не отрывая глаз от текста, её брови сдвинулись в глубокой задумчивости, образуя вертикальную складку на переносице. — Это... это не совсем обычный дневник. Тут почти нет бытовых деталей, описаний платьев, меню обедов или

светских сплетен. Сплошные аллегории, разговоры с «духами камней» и «ветром с востока», намёки на какой-то «лунный ключ» и «пробуждение спящих»... Смотрите, вот.

Она перевернула несколько хрупких, шуршащих страниц и показала им густо исписанный лист. Почерк был витиеватым, буквы причудливо сплетались друг с другом, словно это была не запись, а орнамент.

— Вот, она пишет: «И вновь Чертоги зовут меня. Семь стражей из камня, что хранят сон веков. Лунный Серп укажет путь, когда кровь прошлого встретится с кровью грядущего на перепутье миров...» Бред какой-то. Но очень поэтичный и... цепляющий.

— Видишь! Видишь! — воскликнул Тёма, подпрыгивая на месте от восторга, его халат взметнулся вокруг него, как крылья. — А ты сомневалась! Я же чувствовал, что это не просто книга, пылящаяся на полке! Это же готовый сценарий для блокбастера! Я в тебе не сомневался, Катя! Настоящий эксперт, чующая нутром настоящие артефакты!

— Подожди, не горячись, не всё так просто... — Катя замерла на одной из последних страниц, её пальцы задержались на странном, выполненном от руки чернилами рисунке, который явно был старше основного текста. Это была схема, изображавшая группу камней, расположенных по сложной геометрической фигуре, напоминающей то ли цветок, то ли звезду, то ли неведомый символ. Рядом был мелко и витиевато, с завитушками, выведен заголовок: «Чертоги Пробуждения в моём саду в Сассексе. Где сила спит и ждёт зова крови, что откликнется в веках».

— Сассекс... — задумчиво, растягивая слово, произнесла Катя, как будто пробуя его на вкус. — И «сила»... Это же прямая отсылка к локальным легендам о местах силы, о мегалитических сооружениях, о древних курганах! Макс, ты представляешь? Если это не мистификация, не чья-то шутка, то это прямое, живое свидетельство, современное тем событиям! Это же переворачивает все представления!

Максим подошёл и заглянул через её плечо, чувствуя лёгкий, знакомый запах её шампуня, смешанный теперь с запахом старой, сладковатой бумаги.

— Выглядит как план для квеста в плохой RPG. «Собери пять магических камней, чтобы получить скидку 10% в лавке алхимика на ведьмовскую метлу». Только вот где твой сад в Сассексе, леди Чертог? Координаты-то не указаны.

— Не смейся, это серьёзно! — Катя ткнула пальцем в подпись под рисунком, ее ноготь постучал по пергаменту. Её голос дрожал от волнения, в нем слышалось давно забытое нетерпение. — Смотри. «S.B.» И в начале дневника, на форзаце... тут что-то стёрто, выцвело, но если присмотреться при свете лампы... — Она подняла книгу к лампе с зеленым абажуром, висящей над прилавком, и Максим с Тёмой невольно склонились рядом, образуя живую пирамиду. — Видите? «Собственность Софы... де Бог...» Остальное не читается, чернила выцвели. Софья де Богарне. Слышишь? Это же не какая-то абстрактная леди из сборника сказок! Это конкретное историческое лицо! Пусть и не самое известное, но её имя встречается в некоторых источниках, в переписке! Она считалась чудачкой, затворницей, про неё ходили слухи, что она знает с духами!

Она подняла на Максима сияющие, широко раскрытые глаза. В них горел тот самый огонь одержимости, который появлялся у неё только тогда, когда она находила по-настоящему ценную, золотую зацепку для своего исследования. В такие моменты она была невероятно красивой, живой, как будто изнутри её освещала мощная лампа.

— Представляешь, если это её личный, никому не известный дневник? Если она действительно занималась не просто сбором трав и спиритизмом на досуге, а чем-то бóльшим? Чем-то, что скрыто за этими аллегориями и символами? Это же может быть настоящей сенсацией в узких кругах! Переворотом в моей работе, да и в понимании эпохи в целом!

Максим смотрел на её воодушевлённое, ожившее лицо, на эти живые, сверкающие азартом глаза, и его собственные проблемы с кодом, с начальником-козлом, с вечным цейтнотом

показались мелкими, ничтожными букашками, которых можно просто стряхнуть. Он почувствовал странный прилив нежности и... зависти. Да, зависти к этой её способности так яростно, так полностью гореть одной идеей, одним открытием. Он улыбнулся, и на этот раз улыбка была настоящей, не вымученной, идущей из глубины.

— Хорошо, Шерлок. Допустим, ты права, и эта твоя Софья не просто чудила в своём саду, разговаривая с булыжниками. И что мы будем делать с этим... «Чертогом Пробуждения» в Сассексе? Закажем пиццу «Пепперони» и устроим пикник среди камней, обсуждая магию и реинкарнацию?

— Что? — Катя удивлённо подняла бровь, как будто он предложил полететь на Луну на воздушном шаре, сделанном из старых носков. — Макс, мы же должны это проверить! Это уникальный, разовый шанс! Поехать туда, увидеть это место своими глазами, провести собственное, пусть и дилетантское, расследование! Это же будет лучшим, самым ярким материалом для моего диплома! Не сухие архивные выписки и чужие диссертации, а реальная, живая практика! Практическое применение теории, о которой я пишу!

— Поехать? В Англию? — Максим снова почувствовал, как привычная, выстроенная по алгоритмам реальность начинает давать трещины, а из щелей на него смотрит что-то абсолютно иррациональное, пугающее и при этом безумно притягательное. — Кать, ты в себе? У меня дедлайн через неделю, проект висит на волоске. Этот чёртов код... Авиабилеты... проживание... Это же безумие на палочке! Мы не миллионеры, чтобы вот так вот сорваться с места по какому-то старому рисунку.

— Безумие — это сидеть в душной квартире и пялиться в монитор, когда настоящая история, самая настоящая, сама плывёт тебе в руки, как спелый фрукт! — Она захлопнула дневник с таким глухим стуком, что с полки свалилась маленькая фарфоровая собачка, и прижала его к груди с таким видом, будто это был не потрёпанный том, а сундук с сокровищами капитана Кидда. — Это знак, Макс. Я чувствую это всеми фибрами души, сильнее, чем когда-либо. Здесь что-то есть. Что-то важное, настоящее, что может изменить всё.

Тёма, наблюдавший за этой сценой, как заинтересованный зритель в театре, важно кивнул, сложив руки на животе и перебирая пальцами, как будто читая молитву.

— Самурайская мудрость гласит: когда Вселенная посылает тебе дар — не тычь в него палкой, прикидывая его стоимость и окупаемость. Бери и действуй, не оглядываясь на сомнения. Иначе дух возможности пройдёт мимо, плюнув тебе в душу, и ты останешься у разбитого корыта сожалений.

Максим посмотрел на восторженное, полное надежды и решимости лицо Кати, на сияющее неподдельным энтузиазмом лицо Тёмы, потом на заоконную московскую мглу, затянутую бесконечным, унылым дождём. Он услышал, как где-то вдали просигналила машина, завыл ветер в вентиляционной шахте — обычные, привычные звуки его обычной, размеренной жизни. И почувствовал, как что-то щёлкает внутри. Маленький, но решительный переключатель, меняющий весь дальнейший сценарий. Может, они и правы? Может, одна строчка кода, пусть и ошибочная, — это не повод отказываться от настоящего приключения? От возможности увидеть, как горят её глаза не от холодного света экрана планшета, а от настоящего, живого открытия, от азарта поиска?

Он тяжело вздохнул, сдаваясь. Капитуляция была сладкой и, как ни странно, облегчающей.

— Ладно. Погуглю про авиабилеты и дешёвые отели где-нибудь в глуши. — Максим сдался, но в его голосе звучала не только усталость. Где-то в глубине, под толстым слоем скепсиса и прагматизма, шевелилось странное, давно забытое чувство — не то смутное предчувствие, не то детское, давно забытое любопытство. Возможно, Катя права. Возможно, ему и правда нужно это — вырваться из замкнутого круга код-работа-сомнения, даже если побег будет выглядеть как абсурдная, безрассудная погоня за призраком, нарисованным в старом

дневнике. — Но только если ты обещаешь, что мы не будем ночью при полной луне танцевать вокруг этих камней с бубнами, распевая шаманские песни. Мой уровень магии ограничивается заклинанием «sudo reboot».

— Обещаю! Ну, maybe just a little bit! — она звонко, по-девичьи рассмеялась и кинулась обнимать его, прижимаясь щекой к его мокрой куртке. — Спасибо! Увидишь, это будет невероятно! Я это точно знаю!

Максим, обнимая её, чувствуя тепло её тела и запах её волос, снова взглянул на тёмный, невзрачный переплёт дневника, лежавший теперь на прилавке рядом с остывающими пирожками. Книга казалась такой безобидной, просто старый клочок бумаги, за которым тянется шлейф пыли, времени и безумных фантазий какой-то давно умершей эксцентричной леди. Он не мог и предположить, что только что купил два билета в один конец. Не просто в Англию, а в самый центр магического урагана, который вот-вот снесёт крышу его размеренной, логичной, выстроенной по строгим алгоритмам жизни. Он не знал, что «кровь прошлого» — это не красивая метафора, а самый что ни на есть молчаливый свидетель, готовый наконец заговорить. И его показания будут стоять кому-то жизни. Что ему, Максиму Орлову, наследнику рода предателей, вскоре предстоит стать тем самым «зовом», который разбудит не просто силу, а древнее, спящее проклятие, и его жизнь расколется на «до» и «после», как трескается стекло от резкого перепада температур.

Глава 2 Сассекс. Тень прошлого

Английская погода встретила их с подчёркнутой, почти придворной учтивостью, той самой, за которой скрывается полное безразличие. Та же московская морозящая пелена, тот же пронизывающий до костей влажный холод, что выгнал их из России. Но здесь, в Сассексе, этот дождь был иным. Он не назойливо стучал по крышам, а тихо, непрерывно висел в воздухе, превращая весь мир в размытую акварель серых, зелёных и коричневых тонов. Он казался не погодой, а состоянием самой земли. Древней, неторопливой, дышащей влагой веков и хранящей в этой дымке свои многовековые секреты.

— Ну что, как тебе родина твоей графини? Нашла вдохновение в этом асфальтово-глиняном раю? — Максим с трудом запихнул их чемоданы в багажник арендованной машины, маленькой, юркой и такой же неудобной, как все бюджетные хетчбэки. Пластик салона пах дезинфекцией и чужими жизнями — сладковатый аромат освежителя не мог перебить запах старого табака и влажной собачьей шерсти.

Катя, не обращая внимания на назойливую морось, стояла посреди парковки у аэропорта Гатвик, запрокинув лицо к низкому, свинцовому небу, и глубоко дышала, закрыв глаза. Капли дождя застревали в её ресницах, словно крошечные бриллианты, подаренные скупым английским небом.

— Пахнет по-другому, — сказала она, наконец открыв глаза, и в её взгляде плескалось странное, живое возбуждение. — Совсем не Москвой. Там пахнет выхлопами и тоской. А здесь... Пахнет мокрой шерстью овец, тлеющим дубовым углём из каминов и... историей. Осязаемой, как эта влага в воздухе. Чувствуешь? Земля тут старая. Очень старая. Как будто каждый камень, каждый холм помнит лица римских легионеров, шелест плащей монахов и топот коней норманнов.

Максим преувеличенно принялся, вызываясь глядя на неё. Его нос уловил чёткий коктейль из выхлопных газов, мокрого асфальта и доносившегося из ближайшего кафе густого, почти физического аромата жареного бекона и подгоревших тостов.

— Ага. Особенно история чувствуется в аромате «Бритиш Петролеум» и карри из столовой для дальнобойщиков. Очень антично. Поехали, Шерлок, промокать дальше. Надеюсь, в этом гестхаусе есть нормальный вай-фай, а не эта средневековая романтика с камином и гусиными перьями, которую ты так жаждешь.

Первые мили по шоссе «А23» создавали обманчивое чувство знакомой цивилизации. Ровный, идеально уложенный асфальт, аккуратные, как солдаты на параде, указатели, домики с вылизанными до стерильности садиками, похожие на кукольные домики из набора «Идеальная Англия». Но с каждым новым поворотом, с каждым ответвлением на всё более узкую, капризную дорогу, пейзаж за окном начинал меняться, словно кадры в замедленной съёмке, откатываясь назад во времени.

Дома редели, превращаясь в одинокие фермы из тёмного камня, ухоженные газоны сменялись бескрайними, холмистыми пастбищами, где под мелким дождём безразлично жевали траву непонятной масти овцы — живые, дышащие элементы пейзажа, столь же вечные, как и сами холмы. Асфальт под колёсами сначала сменился шершавой щебёнкой, издающей тревожный, стрекочущий звук, а потом и вовсе уступил место обычной, размытой грунтовке, изъеденной дождевыми ручьями, словно оспинами.

И вот уже арендованный «Форд Фокус» начал казаться чужеродным, неестественным телом в этом древнем, дышащем многовековым покоем ландшафте. Узкая проселочная дорога, больше похожая на замысловатую тропу, выющаяся между поросших вереском холмов, застав-

ляла Максима постоянно подруливать, а с каждым новым километром его пальцы всё крепче и крепче сжимали руль, пока костяшки не побелели.

— Похоже, мы въехали в декорации к фильму ужасов категории В, — проворчал он, в очередной раз уворачиваясь от низко нависшей, скрюченной ветки старого дуба, которая поскребла по крыше, как костяной палец по стеклу. — Где-то тут должен быть тот самый психопат с бензопилой. Или, на худой конец, очень недружелюбный фермер с дробовиком.

— О, не драматизируй! — Катя, напротив, вся светилась от восторга, прижавшись лбом к холодному стеклу, за которым плыли серые, покрытые туманом холмы, накрытые одеялом низких облаков. — Это же и есть она, настоящая Англия! А вот в летописях XIV века описываются именно такие дороги, по которым путешественники добирались до отдаленных аббатств, и это считалось путём духовного очищения!

Её слова утонули в отвратительном, металлическом скрежете днища о скрытый в траве булыжник. Машина жалобно вздрагивала всем кузовом, как раненый зверь, каждый раз, когда её брюхо цепляло очередное препятствие, скрытое в глинистой каше.

— Духовное очищение, я уверен, проходило куда приятнее на лошадях, а не в этой консервной банке на колёсах, — процедил Максим сквозь стиснутые зубы, мысленно моля всех известных ему богов, от Иисуса до создателя Linux, чтоб не потек масляный поддон и не отвалился глушитель, обрекая их на вечное поселение в этой гиблой долине.

Они заблудились. Это стало очевидно минут двадцать назад, когда последние, робкие остатки асфальта сменились щебёнкой, а потом и вовсе исчезли. Навигатор, ещё недавно уверенно диктовавший маршрут приятным, невозмутимым женским голосом, окончательно сошёл с ума. Стрелка курса бешено вращалась, как в припадке, карта то и дело перезагружалась, показывая то густые, непроходимые леса, которых не было вокруг, то ровные поля, а их синяя точка — символ их цифрового «я» — упрямо ползла по абсолютно белому, пустому полю, как капля масла по чистой бумаге.

Максим тыкал в потный экран пальцем, бормоча проклятия на языке, понятном только ему и компьютеру, обрывки кода, серверные ошибки и отборный, крепкий, как хороший эль, мат.

— Может, просто остановиться и спросить дорогу у кого-нибудь? — предложила Катя, устав слушать бесконечный, монотонный поток проклятий, льющийся из его уст. Она старалась звучать спокойно, но в голосе проскальзывала тревога. — Вон, кажется, в той долине ферма. Свет в окне.

Максим скептически оглядел погружающуюся в вечерние сумерки долину, тонущую в сизой, поднимающейся от реки дымке. Вдалеке, как заблудшая звезда, мерцал одинокий, жёлтый огонёк фермы, до которой, казалось, было несколько часов ходьбы по непролазной, вязкой грязи.

— Спросить? У кого? У них? — он кивнул на тёмные, неподвижные силуэты стада овец, застывших на склоне холма, словно каменные изваяния, поставленные здесь неведомой цивилизацией. Их блеющие голоса доносились приглушенно и зловеще, больше похожие на плач заблудших душ, чем на звуки живых существ. — Я не уверен, что они знают дорогу до «Ястребиной Головы». Или вообще владеют членораздельной речью.

Он с трудом вырвался на небольшую, утоптанную площадку у самого края обрыва, чтобы развернуться. Мотор с облегчением заглох, и лобовое стекло мгновенно покрылось сеткой дождевых капель. И в этой внезапной, оглушительной, давящей тишине их накрыло с головой волной абсолютно иного, дикого и древнего мира.

Воздух, ворвавшийся в открытое окно, был леденяще холодным и влажным, пахло мокрой землёй, прелыми листьями, диким чабрецом и чем-то ещё, сладковатым и гниlostным одновременно, как запах старого погреба или забытой лесной ягоды. Где-то внизу, в темноте, с глухим рокотом шумела невидимая река, перекачивая по камням свои чёрные воды. А над

головой, в полном, абсолютном отсутствии какого-либо городского освещения, развернулось невероятное, почти пугающее своим масштабом полотно ночного неба. Млечный Путь прочертил через всю его чёрную бархатную ткань бледную, сияющую, призрачную реку, а мириады звёзд, казалось, висели так близко, что до них можно было дотянуться рукой и сорвать, как перезрелый плод.

— Боже... — выдохнула Катя, забыв про сломанный навигатор, про дождь, про холод и усталость. Она вышла из машины и стояла, запрокинув голову, её лицо было освещено холодным сиянием космоса. — Я... я никогда не видела такого неба. Оно будто живое. Дышащее. И такое... огромное. Заставляющее чувствовать себя букашкой.

Максим молча вышел вслед за ней. Его взгляд, привыкший к мерцанию жидкокристаллического монитора и тусклому, оранжевому свету московских фонарей, скользил по древним, знакомым лишь по названиям созвездиям — Орион, Кассиопея, Большая Медведица — и в его душе, закованной в броню логики и алгоритмов, шевельнулось что-то первобытное, забытое, дремучее. Это был не просто другой пейзаж. Это была другая планета, другой временной пласт. Он чувствовал себя микробом на шкуре гигантского, спящего зверя, и этот зверь мог проснуться в любой момент от их ничтожного присутствия.

Именно в этой гипнотической, всепоглощающей тишине они услышали это. Сначала далёкий, протяжный, тоскливый вой. Одиноким и полный какой-то нечеловеческой, вселенской печали. Ему тут же, чуть ближе, ответил другой, более отрывистый и злой, полный голода и нетерпения. По спине у Кати пробежали ледяные мурашки, и она инстинктивно прижалась к Максиму, схватив его за рукав.

— Волки? — прошептала она, и её голос дрогнул.

— Лисицы, скорее всего, — автоматически, по памяти, поправил её Максим, но и его собственная рука сама потянулась к кнопке центрального замка, чтобы запереть пустую машину. Громкий, сухой щелчок прозвучал в тишине как выстрел, нарушив священное безмолвие ночи.

Он с облегчением снова завёл двигатель, и резкий, белый свет фар выхватил из тьмы старый, покосившийся, покрытый мхом и лишайником деревянный указатель. На нём, едва различимая, была вырезана стрелка и слово: «Hawkshead» — «Ястребиная Голова». Так назывался их гестхаус.

— Вот же он! — обрадовалась Катя, хлопая в ладоши, её страх мгновенно развеялся перед лицом маленькой победы. — Я же говорила, что ты найдёшь дорогу! Ты же наш главный навигатор и следопыт!

— Не я нашёл, — мрачно заметил Максим, направляя машину по указанной тропе, которая петляла в ещё более глубокую, непроглядную тьму между холмов. — Это она нас позвала. Или он. Это место.

Он не знал, почему сказал это. Быть может, из-за этого неба, пылающего холодным, безразличным огнём. Или из-за тех голосов в ночи, в которых слышалась не животная, а почти разумная, осознанная тоска. Или из-за того, как длинные, искажённые тени от фар плясали на древних, поросших лишайником камнях, складываясь в странные, нечеловеческие, зловещие узоры, которые хотелось немедленно забыть.

Дорога вела их вглубь долины, навстречу тёмному, массивному силуэту одинокого каменного дома с освещёнными, приветливыми окнами, который, казалось, ждал их здесь целую вечность, терпеливо и неумолимо. И Максим с внезапной, леденящей душу ясностью понял: они не просто заблудились. Они свернули на нужную дорогу. Ту самую, с которой уже не свернешь, как не свернешь с рельсов мчащегося на всех парах поезда, уносящего тебя в чёрный туннель неизвестности.

— Стой! — вдруг крикнула Катя, впиваясь пальцами в его плечо. — Смотри! Остановись!

Максим резко, до скрежета, затормозил. За крутым поворотом, в разрыве между двумя тёмными холмами, открылся вид на широкую лощину, утопающую в изумрудной, почти чёрной в сумерках зелени. А посреди неё, на пригорке, освещённая последним багровым отсветом заходящего где-то за горизонтом солнца, темнела полуразрушенная каменная ограда и остатки каких-то построек, а в глубине угадывались смутные контуры фундамента — призрачные квадраты и прямоугольники, проступающие сквозь траву и кустарник.

— Это же оно! — Катя с волнением в голосе достала из рюкзака и стала листать дневник, почти роняя его от дрожи в руках. — Поместье де Богарне! Смотри, здесь нарисован тот самый дуб, который она описывала! Тот, что стоит у ворот! Точно он!

Максим скептически посмотрел на покосившиеся, поросшие плющом каменные столбы ворот, на груды булыжника, едва угадывающиеся в высокой траве.

— Кать, это обычные руины. Таких по всей Англии, наверно, тысячи, если не десятки тысяч. Это как искать иголку в стоге сена, перебирая каждую соломинку и принимая её за иглу.

— Но именно эти руины описаны в дневнике! — она тыкала пальцем в пожелтевшие страницы, её голос дрожал от нетерпения и уверенности. — «Повернешь у старого дуба, что стражем стоит у дороги, — и откроется вид на дом, где спит память веков». Это же поэтическое, но точное описание! Она же прямо говорит! Дуба там, — она показала на одинокое, раскидистое дерево у дороги, — а вид отсюда... Макс, это он!

Максим вздохнул, сдаваясь под натиском её энтузиазма, и снова тронулся. Солнце, полностью скрывшееся за холмами, окрасило край неба в багровые, траурные тона, которые быстро гасли, сменяясь глубокой синевой ночи. Где-то впереди, как спасительный маяк, показались тёплые, жёлтые огни их гестхауса — уютного двухэтажного коттеджа из тёмного, почти чёрного камня, утопающего в зелени и выглядевшего неестественно цивилизованным и гостеприимным на фоне дикого, первобытного пейзажа.

Хозяйка, миссис Гловер, оказалась дородной, румяной женщиной лет шестидесяти, с лучистыми, как изюминки, глазами и неизменной фарфоровой чашкой с чаем в руках, словно это был неотъемлемый атрибут её личности, вроде третьей руки.

— А, наши русские гости! — встретила она их на пороге, пахнущем лавандой, воском для мебели и свежей выпечкой. — Я уже начала волноваться, думала, вы в наших дебрях заплутали. Дорогу нашли? Да, наши проселки бывают хитрыми, с характером, прямо как некоторые из моих постояльцев, — она подмигнула, и её круглое лицо расплылось в доброй улыбке. — Заходите, заходите, проходите в тепло. Я вам сейчас чайку свежего налью, и пирожки только из печи, с яблоками. Вы же промёрзли, наверное, в этой сырости!

Пока они расселялись по своим номерам с низкими, покатыми потолками, дубовыми балками и скрипучими половицами, Катя не переставала восхищаться видом из окна, распахнутого настежь, несмотря на вечернюю прохладу. Из комнаты открывалась широкая панорама на те самые тёмные, волнообразные холмы, где, по её непоколебимому убеждению, находились заветные камни силы, описанные Софьей де Богарне.

— Макс, мы должны сегодня же пойти в тот паб! — не унималась она, лихорадочно распаковывая чемодан и разбрасывая вещи по-старинному, тяжёлому дубовому комоду с потёртой столешницей. — Там наверняка есть старожилы, местные мудрецы, которые могут что-то знать о семье, о поместье! Может, чьи-то предки там работали! Это же бесценные свидетельства!

— Сначала душ, потом ужин, и хотя бы час без этого дневника, — устало ответил Максим, падая на массивную кровать с балдахином, которая жалобно заскрипела под его весом, принимая его, как объятия усталого путника. — Я уже готов съесть того самого «зелёного человека» с вывески, лишь бы он был жареным, с картошкой и под хорошим соусом. И да, душ. Я пропах этим дождём и страхом сбиться с пути.

Паб «Зелёный человек» оказался именно таким, каким его описывали в путеводителях для искателей «настоящей, нетуристической Англии» — низкое, приземистое здание под тём-

ной, слегка просевшей соломенной крышей, стены из потемневшего от времени и непогоды грубого камня. Из кривой, закопчённой трубы вился тонкий, сладковатый дымок, а из полуоткрытой дубовой двери, украшенной коваными петлями в виде причудливых растений, доносились приглушённые голоса, звон бокалов и меланхоличная, задумчивая мелодия народной скрипки. Казалось, он не был построен, а вырос тут из земли сам по себе, как один из тех древних, молчаливых холмов, и просто приобрёл дверь и окна для удобства редких посетителей.

Внутри пахло историей, и не книжной, а выстраданной: старым деревом, пропитанным столетиями табачного дыма и пролитого эля, воском для полов, жареным луком, подгоревшим мясом и ещё чем-то неуловимым — запахом многих поколений, их разговоров, ссор, радостей и печалей. Несколько местных жителей, с лицами, словно вырезанными из того же песчаника, что и стены паба, неспешно, с расстановкой беседовали у массивной стойки из тёмного дуба, полированного до блеска тысячами локтей. В углу, в огромном камине, шириной в полстены, потрескивали и шипели толстенные поленья, отбрасывая на стены, увешанные медными кружками, старыми фотографиями и потемневшими от времени гравюрами, причудливые, пляшущие тени, которые оживали и рассказывали свои безмолвные истории.

— О, гости! — бармен, дородный мужчина с роскошными седыми усами, похожими на заснеженные альпийские вершины, бросил на них доброжелательный, оценивающий взгляд. — Из далёких краёв, если я не ошибаюсь? Россия? Добро пожаловать в «Зелёного человека»! Что для вас, леди и джентльмены? Наше местное тёмное — гордость графства, или может быть что-то покрепче, согревающее душу?

Пока Максим заказывал порцию фиш-энд-чипс для Кати, а для себя бекон с яйцами и в придачу к этому два самых тёмных эля, он украдкой, почти рефлексивно, достал телефон и начал листать рабочую почту. Старый, как мир, жест: погрузить лицо в холодное сияние экрана, отгородиться от незнакомого мира привычными проблемами — дедлайнами, отчётами, письмами от начальства. Здесь, среди этой древней дубовой духоты и живого огня, его «Айфон» казался артефактом из другого, стерильного и ненастоящего мира.

— Макс, мы же договорились — цифровое табу! Никаких телефонов за ужином! — Катя укоризненно посмотрела на него, пока он усаживался за столик у самого камина, от которого веяло сухим, щекочущим ноздри жаром. — Отложи свою электронную пустышку. Мы в настоящей жизни. Слышишь? Паб. Огонь. Люди.

— Минуточку, Кать, одно сообщение, — он не отрывал взгляда от холодного сияния экрана, его лицо озарилось голубоватым, мертвенным отсветом. — Просто проверю, не сломалось ли что-нибудь за моё отсутствие. Это как почесать зудящее место. Относись к этому как к необходимой гигиенической процедуре, вроде чистки зубов.

— А в исторических хрониках, — начала Катя, явно пытаясь отвлечь его и вернуть в «атмосферу», её голос приобрёл лекторские, убедительные нотки, — описывается, что в таких пабах, как этот, в викторианскую эпоху собирались не только выпить, но и обменяться новостями, заключить сделки, найти работу. Это были центры социальной жизни. И, возможно, именно здесь...

Но Максим уже погрузился в чтение очередного отчёта от тестировщиков, лишь кивая через раз, его мозг был уже там, в мире багов и апдейтов, в безопасном пространстве знакомых проблем. Катя с лёгким раздражением, громко захлопнула дневник, который держала в руках.

— Хорошо, — сдалась она, отодвигая свой стул с резким скрежетом по каменному полу. — Продолжай обниматься со своим переутомлённым куском пластика и кремния. А я пока попробую почувствовать атмосферу без посредничества процессора. Может, хоть так до тебя дойдёт, где мы находимся.

Она устроилась за столиком у камина, положив перед собой дневник, как священную реликвию, и стала вглядываться в полумрак, вслушиваться в обрывки разговоров. Она чувствовала себя на взводе, каждое нервное окончание пело тонкой, напряжённой струной. Они

были так близко. Совсем рядом, она это чувствовала кожей, каким-то внутренним, исследовательским зудом. Этот паб... она была почти уверена, что Софья де Богарне бывала здесь, сидела, может, за этим самым столом, прислушивалась к тем же разговорам. В дневнике было несколько косвенных, зашифрованных упоминаний, которые сходились на этом месте, на этой «таверне у старой дороги, где лик леса смотрит с вывески».

— Всё ещё ищешь скрытые смыслы в кулинарных рецептах викторианской эпохи? — Максим, чтобы загладить повисшую неловкость, поставил перед ней высокую, тяжелую кружку с тёмным, почти чёрным пивом, на поверхности которого плавала плотная, кремовая шапка пены, похожая на облако.

— Ты не понимаешь, — она отхлебнула, не отрывая глаз от страницы, на которой при свете пламени проступали причудливые, выцветшие буквы. — Она здесь была. Я уверена. Она писала, что иногда приходила в «место, где старый дух леса смотрит с вывески, чтобы слушать речи простого народа и черпать в них мудрость, недоступную в салонах». «Зелёный человек» — это же классический пабский символ, языческое божество природы! Это может быть только он!

— И что? Ты надеешься, что бармен тут на протяжении двухсот лет один и тот же и помнит её в лицо? — Максим откинулся на спинку стула, с наслаждением потягивая эль. Напиток был густым, обволакивающим, с глубоким привкусом патоки, тёмного хлеба и чего-то ещё, незнакомого, землистого, как будто в него выжали самую суть этой старой, влажной земли. Вкус самой Англии, старой и настоящей. Он почувствовал странное, необъяснимое умиротворение, несмотря на всю абсурдность их предприятия и ворчание своего внутреннего прагматика. Может, это и правда было хорошей идеей, сменить обстановку, выбраться из душной московской клетки, где воздух был спёртым от невысказанных слов и тихого отчаяния.

В этот момент дверь паба со скрипом открылась, впустив порцию холодного, влажного ночного воздуха, с запахом мокрых листьев и далёкого дыма. На пороге появилась пара, которая сразу, мгновенно привлекла к себе всеобщее внимание, словно луч прожектора выхватил их из тьмы, хотя никто не направлял на них свет.

Девушка, лет двадцати пяти, с огненно-рыжими, как осенний клён, волосами, собранными в небрежный, но от этого лишь более эффектный пучок, из которого выбивались отдельные упрямые пряди, игриво касающиеся её шеи. Её глаза были цвета молодой весенней листвы, яркие, почти светящиеся в полумраке паба, полные живого, неукротимого любопытства. Она была одета в потрёпанную, но качественную кожаную куртку и простые, сидящие как влитые джинсы, а её улыбка была такой ослепительной, открытой и приветливой, словно она только и ждала момента, чтобы её продемонстрировать миру. За ней, словно тень, следовал высокий, широкоплечий мужчина. Очень молодой, на вид не больше двадцати, но с не по годам серьёзным, почти суровым, высеченным из камня лицом. Его короткие тёмные волосы были торчащими иголками ежа, а взгляд серых, холодных, как галька в горном ручье, глаз был спокоен, внимателен и невероятно собран одновременно, будто он непрерывно анализировал окружающее пространство на предмет угроз и возможностей.

— Боже, какие типажи, — прошептала Катя, забыв на секунду о дневнике. — Прямо из какого-нибудь нового, модного британского детективного сериала. Идеальные спутники для нашего расследования. Вы только посмотрите на них.

Пара, едва переступив порог, на мгновение замерла в дверях, давая глазам привыкнуть к тусклому свету после темноты. Рыжая девушка окинула зал быстрым, заинтересованным взглядом, её спутник молча снял капюшон, и его взгляд, холодный и оценивающий, скользнул по стойке, камину и сидящим у столиков посетителям, будто составляя тактическую карту местности. Затем они направились к барной стойке, где Джон уже приготовил для них две высокие кружки, даже не спросив. Послышался низкий, хрипловатый смех девушки и глухой, короткий ответ бармена.

Максим, услышав смех, на секунду, из вежливости, оторвался от телефона, оценивающе скользнул по ним взглядом, но затем, с облегчением, снова уткнулся в экран. Ему было проще в мире битов и байтов, в мире, где всё можно было починить, перезаписать или откатить. Катя же, напротив, наблюдала украдкой, с профессиональным интересом этнографа. Она видела, как пара неспешно потягивает эль, перебрасываясь с Джоном короткими, понятными только им фразами. Рыжая, что-то оживлённо начала рассказывать, жестикулируя, а её молчаливый спутник лишь изредка кивал, продолжая сканировать помещение. Его взгляд на мгновение задержался на Максиме с Катей, на столе, на тёмном переплёте дневника, но тут же безразлично скользнул дальше, как будто отметив факт и отправив его в архив.

И вот, сделав последний большой глоток, девушка что-то сказала своему спутнику. Затем она окинула взглядом зал, будто впервые ища свободный стул, и её взгляд «случайно» снова задержался на столе около камина. Кивнула в сторону угла, где сидела Катя, и взяв своё пиво, направилась через зал в её сторону, легко лавируя между столами, будто делала это тысячу раз. Её шаг был уверенным и почти бесшумным.

– Приветствуем, путников на землях туманного Альбиона! – её голос, низкий и с лёгкой, приятной хрипотцой, прозвучал прямо над ними, свежо и громко. – У вас свободно? А то тут, как на подбор, все столы или заняты местными философами, или пахнут столетиями благо-родного одиночества и пролитого эля. Мы с братом тут места не находим.

– Конечно, присоединяйтесь! – Катя немного растерялась от такого напора и полного отсутствия церемоний, но её исследовательский азарт пересилил смущение. – Мы как раз...

– Ага, прям вот щас и уходим, освобождаем вам место, – с лёгкой, сухой иронией бросил Максим на русском, отодвигая свой стул с явной неохотой. Он потянулся за своей курткой, висевшей на спинке. Но его путь мягко, почти незаметно, преградила неподвижная тень Ивана. Парень просто встал так, что перекрыл проход, ничего не говоря, глядя куда-то поверх головы Максима. Получилось очень ловко и почти натурально, будто он просто задумался. В этот момент Алиса, которая уже скользнула взглядом по столу, дневнику и их лицам, буквально вспыхнула. Её зелёные глаза расширились от искреннего, почти театрального изумления.

– О! Да вы ж из России! – её голос, громче, чем нужно в пабе, прозвучал как щелчок, приковывая внимание. Она обернулась к Ивану, хватая его за рукав. – Иван, слышишь? Глазам не верю! В такой глухомани найти земляков! Ну это же знак свыше. Прямо кармический! Не иначе как судьба!

Её радость была такой заразной и настойчивой, что на мгновение затмила собой всё: и напряжение от блокирующего пути Ивана, и нежелание Максима ввязываться в новые знакомства. Она повернулась обратно, её улыбка стала приглашающей и немного хитрой, как у кошки, которая только что поймала не мышшь, а целую интересную историю.

– Ну куда же вы собрались? Садитесь, садитесь! – она сделала живой, властный жест к стульям, словно раздавая приказы на собственном празднике. – В такую погоду из паба только дурак бежит. Давайте лучше за знакомство выпьем, а? Пиво же греется, а история — ждёт. Иван, подвинься, не стой столбом, дай людям сесть.

Это был мастерский ход. Своей непосредственностью и этой «земляческой» радостью она перевела потенциально конфликтную ситуацию в простую условность, связанную с недо-пониманием и излишней стеснительностью. Отказаться сейчас, после такого, значило бы проявить откровенную грубость по отношению к такой искренней, почти детской радости встречи. Иван, кивнув в подтверждение её слов, наконец отступил на полшага, освобождая место, но оставаясь поблизости, как тень. Максим, пойманный в ловушку вежливости и немного ошарашенный таким напором, с тихим, внутренним стоном обречённости опустил обратно на стул. Катя же, напротив, смотрела на Алису с растущим интересом и облегчением; эта девушка была глотком живой, не книжной энергии и казалась той самой нитью, которая могла вывести их к разгадке.

— Знак, говорите? — скептически протянул Максим, но его тон уже был не таким неприимым. Сопротивляться этому вихрю было утомительно.

— Абсолютно! — Алиса тут же подхватила, как будто ждала этого вопроса. — Случайностей не бывает. Особенно здесь, в таких местах. Земля тут помнит всё, и она сводит нужных людей. Вы уж точно не просто так в эту... э... историческую глушь попали? — Её взгляд снова, совсем ненадолго, скользнул по тёмному переплёту дневника, лежащему рядом с кружкой Кати. — Не на наш скромный «Ведьминный суд» ли, часом? Фестиваль, что каждый год забавляет туристов в Брайтоне. Реконструкция, турниры, всё такое.

— Фестиваль? — оживилась Катя, как будто нашла родственную душу. — Здесь, в Сассексе?

— Ага, средневековый, в Брайтоне, — Алиса беззаботно махнула рукой, словно отмахиваясь от надоедливой мошки. — Реконструкция, турниры, музыка, танцы, в общем полное погружение. Мы с Ваней участвуем не первый год, так что здешние места, тропки и легенды уже изучили вдоль и поперёк. А вы... туристы? Искатели приключений? Или, — она сделала многозначительную паузу, — исследователи?

— Вроде того, — Максим все еще сохранял легкую, но ощутимую настороженность, его взгляд скользнул по лицу Ивана, который смотрел куда-то мимо, но всем своим существом был здесь. — Отдыхаем от мегаполиса. Набираемся... впечатлений. И немного изучаем местную историю.

— Понятно, — Алиса перевела взгляд на дневник, лежавший перед Катей, как на самую главную достопримечательность за столом. — О, старинная книга! Вы, я смотрю, приехали не просто так, не для банального селфи на фоне овец. Любители истории? Коллекционеры? Или, может, — она снизила голос, — охотники за сокровищами?

Катя инстинктивно, защитным жестом, прикрыла дневник ладонью, но потом, видя искренний интерес, убрала руку.

— Что-то вроде того. Пишу диплом, как раз по истории и фольклору...

— О-о-о! — Алиса вытянула этот звук, полный одобрения и восхищения. — Ученая дама! Настоящий исследователь! А по какой теме, если, конечно, не секрет? Может, мы чем-то сможем помочь? Мы тут вроде как свои люди, знаем каждую тропинку и каждую байку.

— Изучаю фольклор, традиции, — осторожно, подбирая слова, сказала Катя, открывая дневник на середине. — В частности, историю одной семьи, что жила здесь, в этих местах, в викторианскую эпоху. Де Богарне. И связанные с ней места... особенные...

Она перевернула несколько хрупких, шуршащих страниц и показала им схему.

— Вот, смотрите. Она называет одно такое место «Чертогами Пробуждения». Довольно пафосно, конечно. Скорее всего, это её личное, романтическое название для какого-то каменного круга или мегалитического сооружения в её саду. «Чертоги» — это, я думаю, поэтический образ самих камней, а «Пробуждение»... — Катя задумчиво провела пальцем по рисунку. — Возможно, отсылка к местным легендам о «спящих» местах силы, которые можно «разбудить». Типичный мистицизм викторианской эпохи, смесь интереса к древностям и спиритизма.

Максим скептически скривился:

— Звучит как название плохого фэнтези-романа или нового молодёжного сериала. «Чертоги пробуждения: хроники сассекской чудачки». В главной роли — рыжая бестия с дневником.

— Не смейся, это серьёзно! — Катя ткнула пальцем в подпись под рисунком, но тут же перевела дух, стараясь быть объективной. — Хотя, конечно, для академической работы нужно больше доказательств, чем поэтические метафоры.

— Де Богарне? — Алиса на мгновение задумалась, приложив палец к подбородку, проигнорировав стычку Максима и Кати, затем её лицо озарилось живым, искренним пониманием. — А, вы про ту самую чудачку-аристократку, затворницу! Да, мы слышали местные байки,

легенды ходят. — Она перевела взгляд на бармена, который как раз протирает стойку. — Джон, разве не твой прадед, по семейным преданиям, работал у них в поместье садовником? Помнишь, ты рассказывал?

Дородный бармен, чистящий пивную кружку до блеска мягкой тряпкой, хмыкнул, его пышные усы задрожали:

— Было дело, было. Мой дед потом рассказывал, как они с мужиками тот самый центральный камень, что на холме, с места сдвигали, для каких-то их работ. Боялись, мол, место проклятое, духи камней спать не дадут. Суеверный народ был. А леди ихняя, Софья, слыла... странной. Разговаривала с деревьями, собирала травы не в то время, ходила по ночам. Ну, вы понимаете.

Катя чуть не поперхнулась своим элем от возбуждения.

— Вы слышите? Макс? Это же прямое, живое свидетельство, устная история! Это же перекликается с тем, что она пишет! — Она тут же, с горящими глазами, повернулась к Алисе. — А вы не могли бы... показать нам то самое место? То самое поместье? Я готова заплатить за экскурсию, за ваше время! Это же невероятно важно для моего исследования!

Алиса весело, звонко рассмеялась, её смех был похож на перезвон маленьких, чистых колокольчиков:

— Какая плата, что вы! Мы же не гиды какие-то, мы просто энтузиасты, любители старины. С огромным удовольствием сводим вас и расскажем все истории, что слышали. Благо, мы тут все тропки, все камушки знаем. Правда, Ваня?

Иван молча, почти незаметно кивнул, но его взгляд был пристально, неотрывно устремлён на Максима, будто он пытался разгадать какую-то сложную, многоходовую загадку, зашифрованную в его чертах, в том, как он держит кружку, как морщится от горьковатого послевкушения эля.

— Какие истории? — не удержалась Катя, чувствуя, как её захватывает азарт охотника, вышедшего на свежий, горячий след.

— Ну, знаете, — Алиса заговорщицки улыбнулась, наклонившись вперед через стол, и её голос стал тише, интимнее, — обычные деревенские байки, так ничего особенного. Но в них всегда можно найти толику правды. Про «поющие камни» в их саду, которые в полнолуние издают звуки, похожие на стон. Про какие-то ночные огни, что видели над холмом. Про саму леди де Богарне, которая, по слухам, не совсем... умерла. Вернее, умерла, но не упокоилась. Мы как-то мимо их старого поместья проходили... Место, скажу я вам, с характером. Жутковатое, мистическое, но невероятно притягательное. Чувствуется... сила. Тихая, спящая, но сила.

— Вы были там? Внутри? — Катя чуть не подпрыгнула на стуле от возбуждения, её глаза стали огромными.

— Конечно! — Алиса рассмеялась, откидывая рыжую прядь. — Мы же все окрестные развалины облазили вдоль и поперек. Если хотите, можем сводить. Завтра, например, с утра. Покажем вам и само поместье, и те самые камни, о которых все говорят. Там не только ваши «камни», но и другие интересные места: старый священный колодец, каменный круг на соседнем холме, руины часовни... Всё в радиусе пары миль.

— Это было бы потрясающе! Фантастически! — Катя сияла, как солнце в пасмурный день. — Вы не представляете, как это важно для моего исследования, для диплома! Это же настоящая удача!

В этот момент к их столу подошла официантка с их заказом. Пока они ужинали, разговор продолжался без умолку. Алиса оказалась прекрасной и легкой на язык рассказчицей. Она знала все местные предания и легенды, причём не только про де Богарне, но и про другие знаковые, аномальные места Сассекса, и подавала это с таким азартом и убедительностью, что даже Максим на время отвлекся от телефона и слушал, заинтересованно хмуря брови.

— Вот, например, — говорила она, оживлённо жестикулируя вилкой, на которой был наколот кусок пирога, — в паре миль отсюда есть старый, заброшенный колодец, поросший мхом. Говорят, его выкопали ещё друиды. И если бросить в него серебряную монетку и загадать желание в полнолуние — оно сбудется, но с неожиданными последствиями. Мы с Ваней как-то пробовали — не сработало. — Она залилась своим заразительным смехом. — Видимо, местный дух колодца не благоволит к русским душам, требует местную валюту. Или наши желания были недостаточно... интересными для него.

Иван тем временем молча, с невероятной концентрацией, доедал свой стейк, разрезая мясо с хирургической точностью. Он почти не участвовал в разговоре, лишь изредка односложно отвечая на прямые вопросы, но Максим заметил, что тот наблюдает — за ними, за их жестами, за лежащим на столе дневником, за другими посетителями. Его внимание было каким-то... животным, инстинктивным, сканирующим пространство на предмет угроз, но не агрессивно, а скорее профессионально. Как телохранитель или опытный солдат.

— А вы давно увлекаетесь историей? — не унималась Катя, замороженная новыми знакомыми, как кролик перед удавом, но в её случае это было очарование перед источником бесценной информации.

— С самого детства, можно сказать, с пелёнок, — улыбнулась Алиса, и в её улыбке на мгновение мелькнула какая-то тень, глубокая и быстро исчезнувшая, как рябь на воде. — Бабушка у меня была учительницей истории, настоящим фанатом своего дела, вот и привила любовь, можно сказать, с молоком матери. А Ваня... — она кивнула в сторону брата, который поднял на неё свой тяжелый, серый взгляд, — он больше по практической, прикладной части. Реконструкция, средневековые бои, фехтование — это его стихия, его способ познания мира. Чувствовать вес меча, звон доспехов — это для него важнее сотен прочитанных книг. Хотя читает он тоже немало, просто не любит об этом распространяться.

Иван в ответ на эту характеристику лишь хмыкнул, не выразив ни согласия, ни протеста, и продолжил методично уничтожать картофель.

Когда ужин подошёл к концу и кружки опустели, Алиса снова, с деловой уверенностью, вернулась к теме завтрашней экскурсии.

— Так что, договорились? — спросила она, доставая свой современный, тонкий смартфон, который странно контрастировал с её якобы увлечением стариной и простой одеждой. — Завтра с утра, часов в десять, съездим? Покажу вам все самые интересные, самые загадочные места, о которых путеводители молчат. Даже те, куда туристов обычно не водят.

— Конечно! Однозначно! — Катя была на седьмом небе от восторга. — Это же просто невероятная удача встретить вас! Спасибо огромное!

Они обменялись контактами, договорились о точном времени и месте встречи — прямо у гестхауса. Когда Алиса и Иван, попрощавшись, ушли, Катя повернулась к Максиму с сияющими, полными энтузиазма и благодарности судьбе глазами.

— Ну? Какие впечатления? Они же чудесные! Такие открытые, такие знающие! Настоящая находка! Я же говорила, что нужно было зайти в паб!

Максим медленно, смакуя последние капли, допивал свое тёмное, почти шоколадное пиво. Вкус был хорош, но в душе оставался неприятный осадок.

— Слишком уж они... удобные. Появились именно тогда, когда нужно, знают именно то, что тебе интересно, предлагают именно то, что ты хочешь... Слишком гладкий получается сценарий. Как будто всё прописано по пунктам.

— Перестань быть параноиком, скептиком и законченным пессимистом! — Катя легонько, игриво толкнула его в плечо, её улыбка была тёплой и немного укоряющей. — Это просто счастливое совпадение, карма, судьба! Иногда нужно просто доверять жизни и людям. Не всё в мире — заговор или обман. Иногда мир просто делает тебе подарок. Вот как сейчас.

— Надеюсь, что ты права. Просто я слишком много времени провожу с машинами, которые не умеют врать и притворяться, — Максим отодвинул пустую, тяжелую кружку, и она закричала по дереву. — Ладно, не будем портить вечер. Пошли в нашу каменную крепость. Завтра нам рано вставать на эту твою экскурсию в прошлое. Только давай без полуночных вылазок к руинам, а? Я уже сегодня навидался призраков в каждом кусте.

Когда они вышли из паба, уже совсем стемнело. Ночь была безлунной и невероятно темной, такой темной, что казалось, можно потрогать эту черноту руками. Где-то вдали, на холме, уханье совы звучало как древний, никем не понятый вопрос, на который никто не мог ответить. А из долины, как души умерших, медленно, змеясь, поднимался густой, молочно-белый туман, делая и без того таинственный, старинный пейзаж ещё более сюрреалистичным и нереальным, как декорация к старой готической сказке.

— Черт, — вдруг спохватился Максим, пошарив по карманам своей куртки. Холодный металл и пластик не нащупывались. — Я, кажется, телефон в пабе оставил. На столе, наверное. Под салфеткой.

— Беги, быстрее! — встрепелась Катя, хватая его за рукав. — А то они уже закрываются, и нам его до утра не видать как своих ушей! И без него ты совсем потерянный.

Максим развернулся и почти бегом, подпрыгивая на кочках и спотыкаясь в темноте, бросился обратно к пабу, в окнах которого уже действительно гас свет, и тень бармена мелькнула, направляясь к двери. Дверь уже собирались запирать на большой, кованый железный засов, но Джон, увидев его запыхавшееся лицо в последнем луче света из-за двери, со вздохом, но без раздражения, впустил обратно. Телефон лежал на их столе, где они сидели, одинокий и слепой.

Выйдя наружу и уже направляясь к Кате, Максим замер в темноте, услышав знакомые голоса. Они доносились не с той стороны, куда ушли Алиса с Иваном, а из-за угла паба, где, видимо, находился чёрный ход или подсобка. Он прижался к шершавой, холодной каменной стене, затаил дыхание. Что-то в этой паре с самого начала вызывало у него подсознательную, внутреннюю тревогу, зудящую, как неисправный датчик. Слишком гладкие, отрепетированные ответы. Слишком вовремя появились, как по сценарию. Слишком глубокие, не туристические знания о месте, куда обычные путешественники не заглядывают. И этот взгляд Ивана — изучающий, тяжелый, взвешивающий, будто видящий тебя насквозь, до самой сути.

Ум программиста, настроенный на поиск несоответствий и аномалий в логике, фиксировал сбой за сбоем в этом, казалось бы, идеальном взаимодействии. Рука сама, почти против его воли, потянулась к телефону. «Лучше перебдеть», — мелькнуло в голове старое, но железное правило. Он бесшумно, как настоящий шпион из дешёвого боевика, активировал диктофон и, затаив дыхание, прислушался.

Голоса доносились из-за угла, из тёмного закутка, где, видимо, находился вынос мусора или склад угля.

— ...не нравится мне это, Ваня, — доносился низкий, теперь без тени веселья, голос Алисы. В нём слышалась не просто озабоченность, а настоящая, глубокая тревога. — Слишком рискованно. Слишком много неизвестных. Он не похож на... на тех, о ком мы читали. Он обычный. Слишком обычный.

— Риск — дело благородное, сестра, — парировал Иван, и его голос, впервые услышанный чётко, без фильтра пабского шума, был глухим, твёрдым и невероятно взрослым, не по годам. — Шанс выпадает раз в жизни, а может, раз в столетие. Мы не должны его упустить. Не имеем права. Ты сама чувствуешь слабый отзвук. Он может быть сильнее.

— А если он не тот? Если мы ошиблись? Или если он сломается? Не выдержит? — в голосе Алисы послышались нотки не только сомнения, но и какого-то странного, почти материнского страха.

— Он тот. Я чувствую. Кровь не обманешь. Она поёт в нём, просто он сам ещё не слышит эту песню. Завтра... завтра мы всё узнаем. На древних камнях всякая ложь сгорает, а правда проступает, как вода сквозь камень.

Максим затаил дыхание, вжавшись в стену, его пальцы судорожно сжали холодный корпус телефона. Что за кровь? О ком они говорят? О нём? «Кровь поёт»? Это звучало как бред сумасшедшего или строчка из плохого стихотворения. Но от этого не становилось менее страшно.

— Завтра станет ясно, — сказала Алиса, и её голос вновь стал собранным и жестким, как будто она надела маску решимости. — На древних камнях всё тайное становится явным. Спорим, он даже не подозревает, кто он на самом деле и что за сила в нем дремлет? Он думает, что приехал покопаться в старых бумажках со своей учёной подружкой.

— Тем лучше, — ответил Иван. — Неподготовленный. Чистый. Меньше шансов, что он наделает глупостей раньше времени. Идём. Надо подготовиться.

Шаги затихли, отдаляясь, пара удалилась через чёрный ход в ночь. Максим ещё несколько минут стоял неподвижно в темноте, пытаясь осмыслить, переварить услышанное. Кровь... древние камни... сила... Он почувствовал, как по его спине, от копчика до затылка, пробежали ледяные, противные мурашки. Это был уже не зуд, а настоящая, холодная тревога, поселившаяся глубоко внутри, под ложечкой.

Когда Максим вернулся к Кате с телефоном в руке, она покачала головой с укором, но глаза её светились облегчением.

— Нашёл? Может, тебе привязать его к себе веревочкой, как детям варежки привязывают, чтобы не теряли? А то так и до потери паспорта недалеко, а там и до статуса лица без гражданства рукой подать. Хотя, с твоей-то забывчивостью...

— Не переживай, — он помахал телефоном, как будто показывая, что всё под контролем, но голос звучал неестественно бодро. — Теперь он никуда не денется. Кстати, пока заходил, успел найти кое-что интересное в сети про тот священный колодец, о котором они говорили. Оказывается, он и правда упоминается в паре краеведческих статей...

— Я же говорила, что в рукописях как раз есть упоминания о подобных местах, — ожилилась Катя, но тут же замолчала, увидев странное, отрешенное и напряжённое выражение его лица. — Макс? Что-то случилось? Ты как будто привидение увидел. Или бармен тебе счёт предъявил втройне?

— Ничего, всё в порядке, — быстро, слишком быстро ответил Максим, пряча телефон во внутренний карман, будто это была не вещь, а улика. — Просто... задумался о работе. Об одном баге, который ни в какую не хотел исправляться. И о том, как странно иногда всё совпадает. Пошли уже, а то я действительно замерз, и ноги промочил.

Но пока они шли по тёмной, затуманенной дороге к машине, он украдкой, одним движением пальца, снова посмотрел на экран, перечитывая странный, обрывочный лог разговора, который успел записать на диктофон. «Кровь не обманешь... Он даже не подозревает, кто он...» — этот низкий, чуждый голос Ивана теперь будет преследовать его всю ночь, как навязчивый, неумолимый кошмар, вплетаясь в шум ветра и скрип ветвей.

— Знаешь, — задумчиво, глядя на поднимающийся из долины туман, который уже начал окутывать нижние ветки деревьев, сказала Катя, когда они уже подходили к освещённому, уютному гестхаусу, — а вот в исторических хрониках, в старинных романах, часто встречаются упоминания о том, как случайные, казалось бы, встречи кардинально меняли судьбы людей, направляли их по новому пути. Сводили королей и нищих, воинов и поэтов. Может, и наша встреча с Алисой и Иваном — не просто счастливое совпадение, а нечто большее? Начало новой главы в нашей, такой заурядной жизни? Поворот сюжета?

Максим молча, сжав губы, кивнул, сжимая в кармане телефон с записью, которая начисто опровергала эту романтическую, книжную версию. Технологии, в отличие от старинных

хроник и слишком обаятельных, готовых улыбок, редко лгут. И сейчас его цифровой двойник кричал ему об опасности, о ловушке, о том, что их считают пешками в чужой, непонятной игре.

Оставалось только решить — слушать ли этот холодный, электронный голос, или, как Катя, довериться зову древних камней, тёплому свету паба и странной, заманчивой надежде на то, что в их жизнь наконец-то пришло настоящее приключение.

Но где кончается приключение и начинается кошмар — этой границы Максим пока не видел. Он только чувствовал, что они уже переступили какую-то невидимую черту. И пути назад, в их старую, скучную, безопасную жизнь, может, уже не было.

Глава 3 Ночная экскурсия

Вечер в гестхаусе «Ястребиная Голова» тянулся, как медленный, сладкий сироп. Не в смысле приторности, а в смысле густого, тягучего времени, которое, казалось, замедлило свой бег вместе с наступающими сумерками. Катя, переполненная впечатлениями и предвкушением завтрашнего дня, не могла усидеть на месте. Она то и дело подходила к низкому, дубовому окну своей комнаты, вглядываясь в темноту, где теперь, по её непоколебимому убеждению, скрывались не просто холмы, а настоящие порталы в прошлое, запертые на магический ключ из крови и камня.

Дневник лежал на столе раскрытым на той самой странице со схемой «Чертогов Пробуждения». Она водила пальцем по выцветшим, бурым линиям, шепча что-то себе под нос, сверяя причудливый рисунок с картой на планшете.

— Смотри, Макс, — позвала она, не отрываясь от карты. Её голос звучал сдавленно от волнения. — Холм, который Алиса в пабе называла «местом силы» — он здесь, в трёх километрах к северо-востоку от поместья. И формация камней на этой схеме... она почти один в один совпадает с тем, что угадывается на спутниковых снимках! Видишь эти семь точек? Это не может быть случайностью!

Максим стоял у другого окна, спиной к комнате, и смотрел в чёрный квадрат ночи. В стекле слабо отражалось его собственное бледное, напряжённое лицо, освещённое лишь тусклым светом настольной лампы. В ушах всё ещё звучал, как навязчивая мелодия, записанный на телефон голос Ивана: *«Кровь не обманешь. Она поёт в нём...»*

Что за кровь? Чья кровь? Его собственная кровь — самая обыкновенная. Группа А (II), резус-положительный, никаких особых отметок в медкарте, кроме аллергии на пенициллин в детстве. Никаких песен, кроме звона в ушах от переутомления и кофеина. Он чувствовал себя дураком. Взрослый мужчина, айтишник, рационалист до мозга костей, и вдруг — дрожь в коленках из-за обрывка странного разговора, подслушанного в темноте чужого паба. Может, он всё неправильно расслышал? Может, они говорили не о нём, а о ком-то другом? О каком-нибудь местном чудаке? Может, это какая-то их шутка для особо впечатлительных туристов?

Но холодок в груди не проходил. Его внутренний компас, обычно указывавший на логику и здравый смысл, теперь беспорядочно вращался, показывая на «опасность». Необъяснимую, смутную, но от этого не менее реальную.

— Ты меня вообще слушаешь? — Катя подошла к нему и тронула за плечо.

Он вздрогнул, как от тихого удара током.

— Что? Да, слушаю, слушаю. Холм, камни, совпадение. Потрясающе. Прямо как в кино.

— Ты какой-то нервный, — она посмотрела на него с беспокойством, её брови сдвинулись. — Уверена, тебе не понравилась еда в пабе. Я же говорила, не надо было брать тот стейк, он выглядел подозрительно, даже Иван свой ел с меньшим энтузиазмом, а он, кажется, ел бы и подошву, если бы её подали.

— Не в еде дело, — Максим обернулся и попытался улыбнуться, но получилось криво, как у человека, который забыл, как это делается. — Просто... как-то всё слишком хорошо складывается. Приезжаем в глушь, по сути, вслепую, и сразу же находим идеальных гидов, которые знают всё, что нам нужно, и горят желанием помочь. Это... — он искал сравнение, — как если бы ты искала в архиве документ по конкретной, узкой теме, и тебе бы сразу выпала готовая диссертация, написанная специально для тебя, с твоим именем на титульном листе. Слишком идеально, чтобы быть правдой. В жизни так не бывает.

— Вот потому что это не архив, а реальная жизнь! — Катя всплеснула руками, и её движения были такими живыми, такими знакомыми, что на секунду Максим забыл о своей тревоге.

— В жизни иногда бывают чудеса, знаешь ли! Счастливые стечения обстоятельств! Может, нам просто наконец-то повезло? Может, мы вырвались из этого проклятого цикла «работа-дом-стресс», и вселенная решила нам сделать подарок? Ты же сам хотел перезагрузки! Новой главы!

«Перезагрузка», — мысленно повторил он. Да, хотел. Но не такой. Он хотел сменить картинку на рабочем столе, а не переустановить всю операционную систему с риском потерять все данные, включая рассудок.

— Ладно, — сдался он, понимая, что не убедит её, да и не хотел портить её восторг. — Завтра посмотрим на эти твои камни. Сфотографируем, потрогаем, пощупаем атмосферу. Но я тебя предупредил. Будь настороже. Эти двое... они какие-то странные. Слишком уж подходящие.

— Все энтузиасты истории немного странные, — отмахнулась Катя, возвращаясь к дневнику. — Мы с тобой, если разобраться, тоже не образец нормальности. Я роюсь в столетних дневниках про ведьм и оккультистов, а ты разговариваешь с серверами и видишь мир в строчках кода. Так что давай без предрассудков. Завтра будет удивительный день, я это чувствую костями. А сейчас — спать. Завтра вставать рано.

Она потянулась, и её тень, огромная и колеблющаяся от пламени свечи (она нарочно выключила электричество «для атмосферы»), заплесала на стене с причудливыми цветами обоев. Максим прилёг на кровать, уставившись в темноту между грубыми деревянными балками потолка. Он прокручивал в голове всё, что видел и слышал: слишком яркую, открытую улыбку Алисы, слишком пронзительный, сканирующий взгляд Ивана, их синхронные, будто отретпетированные движения. И этот разговор... «Шанс выпадает раз в столетие». О чём?

Сон не шёл. Он ворочался, прислушиваясь к ночным звукам этого старого дома: скрипу половиц где-то в коридоре, завыванию ветра в дымоходе, далёкому, тоскливому крику какой-то ночной птицы — может, той самой совы. Катя уснула быстро, утомлённая дорогой и эмоциями, прижавшись к его спине. Её дыхание было ровным и спокойным, тёплым у его лопаток. Ей снились, наверное, каменные круги и призраки викторианских леди в пышных платьях.

А ему снился код. Бесконечные строки зелёного текста на чёрном фоне, которые складывались не в программы, а в странные, извилистые узоры, похожие на ту самую схему из дневника. И где-то в глубине этого виртуального лабиринта пульсировала одна строчка, написанная не на знакомом языке программирования, а на чём-то древнем, руническом, и она светилась тёмно-багровым, как запёкшаяся кровь, и от неё исходил холод.

Он проснулся от собственного резкого движения, как будто падал во сне. За окном был предрассветный полумрак, серый и сырой, как мокрая вата. Часы на тумбочке показывали без двадцати шесть. Спать дальше не было сил. Он осторожно, чтобы не разбудить Катю, выбрался из-под тёплого, тяжёлого одеяла, накинул свитер и вышел в маленький общий зал на первом этаже. Там уже пахло кофе — миссис Гловер, видимо, была ранней пташкой, как и положено хозяйке сельского гестхауса.

— Не спится, дорогой? — встретила она его, протягивая дымящуюся кружку из толстой керамики. — Погода на совесть, не даёт, верно? Чувствуется, что-то в воздухе висит. Не просто туман. Буря, может. Или что похуже.

— Что может быть хуже бури в этих краях? — пошутил Максим, принимая кофе. Напиток был крепким, горьким и невероятно бодрящим.

Хозяйка многозначительно посмотрела куда-то поверх его головы, её взгляд стал отсутствующим, будто она прислушивалась к чему-то далёкому, недоступному уху горожанина.

— О, мистер Орлов, вы ещё не знаете наших сассекских бурь. Они бывают не только в небе, — она понизила голос до конфиденциального шёпота. — Иногда они приходят из-под земли. Или из прошлого. Ветер тогда дует не с моря, а из времени, и приносит с собой... отголоски. — Она вдруг встряхнулась, и обычная добродушная улыбка вернулась на её лицо.

— Но не слушайте старую болтушью! Кофе-то пейте, горяченький. Подбодрит. И яблочный пирог в духовке, к завтраку будет готов.

Её слова, произнесенные таким обыденным тоном, оставили неприятный, колющий осадок. Максим вышел на крыльцо, несмотря на холод. Воздух был леденящим, прозрачным и таким густым от влаги, что, казалось, его можно резать ножом. Туман стлался по долине вниз, как молочное, неподвижное море, скрывая под собой мир. Холмы всплывали из него, как острова из забытого архипелага. Где-то там, в этой белой, немой мгле, были и поместье де Богарне, и тот самый холм с камнями. И Алиса с Иваном, которые вот-вот должны были появиться, такие свежие, энергичные и подозрительно осведомлённые.

Они появились ровно в десять, как и договаривались. Не пешком, а на старом, но ухоженном, брутального вида внедорожнике — «Ленд Ровере» цвета грязи и мха, который выглядел здесь куда уместнее их маленького, городского «Форда». Алиса была в той же кожаной куртке и новом, ярком, цветастом платке на шее, защищавшем от ветра. Иван — в тёмной, немаркой, практичной одежде, под которой угадывалась мощная, тренированная фигура. На его лице по-прежнему не было ни тени эмоций, только сосредоточенная готовность.

— Привет, пилигримы! — Алиса выскочила из машины с такой энергией, будто только что выпила литр кофе, а не проехала по ухабистым дорогам. — Готовы к путешествию во времени? Погода, правда, не подарок, но для атмосферы — то, что надо! В тумане все эти места выглядят ещё загадочнее, ещё древнее. Прямо дух захватывает!

— Мы готовы, — ответила за обоих Катя, сияя как солнышко в пасмурный день. Она уже собрала рюкзак с дневником, планшетом, бутылками воды и бутербродами, которые им любезно завернула миссис Гловер. Максим кивнул, стараясь выглядеть нейтрально, и сел на заднее сиденье рядом с Катей. Иван занял место водителя, Алиса запрыгнула на пассажирское. Машина тронулась с места мягко и мощно, легко преодолевая разбитую дорогу, которая накануне едва не разобрала на части их арендованный хетчбэк.

Первым пунктом программы, как и обещала Алиса, стали руины поместья де Богарне. Они подъехали к тем самым покосившимся каменным воротам, которые видели вчера издали. Днём, в сером, рассеянном свете, место выглядело менее зловещим, но не менее заброшенным и пронизанным тихой, беспросветной печалью. Камни фундамента, поросшие мхом и цепким плющом, угадывались под слоем земли, дёрна и прошлогодних листьев. От самого дома остались лишь фрагменты стен не выше метра, очерчивавшие призрачные, бесполезные контуры комнат — где-то гостиная, где-то, возможно, кабинет или спальня. Посреди этого каменного хаоса одиноко, как последний часовой, стоял тот самый огромный дуб, о котором писала Софья. Его ветви, голые и скрюченные, тянулись к низкому небу, словно в немой мольбе или вечном проклятии.

— Вот он, свидетель эпохи, — с неподдельным, почти благоговейным уважением произнесла Алиса, обводя рукой всё пространство руин. — Здесь кипела жизнь, страсти, интриги, надежды... а теперь только ветер гуляет да плющ ползёт. Ну, и духи, конечно. Без них здесь никак.

— Какие духи? — насторожилась Катя, но не от страха, а скорее от профессионального, исследовательского интереса. Она уже достала блокнот.

— Ну, местные верят, что призрак самой Софьи де Богарне иногда появляется здесь в полнолуние, — Алиса понизила голос, делая таинственное, серьёзное лицо. — Говорят, она ищет что-то... или кого-то. А ещё говорят, что те, у кого чистые помыслы и чуткое сердце, могут услышать, как камни на холме поют её имя. Шёпотом. На древнем языке, которого никто не знает.

— Поют? — Максим не удержался от скептической ухмылки, хотя внутри снова ёкнуло. — Может, это просто ветер в расщелинах свистит? Создавая акустический эффект, вроде флейты или свирели.

Иван, стоявший чуть поодаль и молча наблюдавший за окрестностями, повернул к нему голову. Его серые глаза, холодные и плоские, как лезвия осеннего льда, встретились с Максимом.

— Ветер не объясняет свечения, — сказал он просто, и его голос прозвучал так ровно и бесстрастно, будто он сообщал прогноз погоды. — И не объясняет снов. Особых снов.

— Каких снов? — спросил Максим, чувствуя, как у него на затылке начинают шевелиться волосы.

— Снов, которые снятся тем, кто спит рядом с этими камнями. Или тем, чья кровь с ними связана. Сны о прошлом. Очень яркие. Очень реальные. Как будто проживаешь кусочек чужой жизни. — Иван держал его взгляд, не моргая. — Вы не пробовали?

— Мы здесь первый день, — сухо ответил Максим, отводя глаза. — Спали в гестхаусе. На кровати. Как нормальные, уставшие с дороги люди. И снов никаких не видели.

Иван что-то промычал себе под нос, коротко и неразборчиво, и отвернулся, словно потеряв интерес, но Максиму показалось, что в этом звуке было разочарование.

Катя тем временем уже всю исследовала руины, сверяясь с дневником. Она фотографировала на телефон, зарисовывала планировку в блокнот, щупала камни, будто надеясь, что они заговорят на языке фактов и дат.

— Смотри, Макс, — позвала она, указывая на одну из сохранившихся каменных плит пола, едва видную из-под слоя земли. — Здесь есть гравировка. Стилизованный цветок... или, может, солнце с волнистыми лучами. Похоже на символы из дневника!

Максим подошёл, преодолевая неловкость. Действительно, на потрескавшемся, замшелом камне был вырезан странный знак, похожий на лучистый круг с волнистой линией посередине. Он выглядел очень старым, старше самого фундамента.

— Может, это просто отметка каменотёса? Или чья-то детская шалость? — предположил он, но без прежней уверенности.

— Нет, это слишком осмысленно, — покачала головой Катя, её глаза горели. — Это подтверждает её связь с древними, возможно, дохристианскими культами! С культом солнца или каких-то местных божеств плодородия! Это же невероятно! Прямое материальное свидетельство!

Алиса наблюдала за ними с улыбкой, в которой было что-то... тёплое и одновременно отстранённое. Как будто она наблюдала за милыми, увлечёнными детьми, которые играют в песочнице, не подозревая, что под песком лежит не игрушка, а нечто гораздо более серьёзное.

— Ну что, готовы к главному блюду? — спросила она, когда Катя, наконец, исчерпала свой первоначальный, бурлящий энтузиазм. — К самим Чертогам? К камням, которые, возможно, помнят её шаги?

— Ещё бы! — Катя захлопнула дневник, прижимая его к груди. — Ведите! Я готова.

Они снова погрузились в машину, и Иван повёл её по ещё более узкой, почти невидимой для непривычного глаза тропе, выходящей вверх по склону одного из холмов. Туман здесь был реже, но воздух стал ещё холоднее, разреженнее. Давление, казалось, изменилось — в ушах заложило, как в самолёте при наборе высоты. Катя радостно комментировала это как «изменение энергетического поля».

Машина остановилась на небольшой, утоптанной площадке. Дальше нужно было идти пешком.

— Вот он, путь к просветлению, — с лёгкой, доброй иронией сказала Алиса, вылезая. — Минут пятнадцать в горку. Не бойтесь, тропа натоптана. Местные ходят сюда... ну, по разным причинам. И не только местные.

Они пошли. Тропа и правда была хорошо утоптана, что странно для такого, казалось бы, забытого богом и людьми места. Катя шла впереди с Алисой, не замолкая ни на минуту и задавая бесконечные вопросы о каждом растении, каждом камне. Максим плелся сзади, делая вид,

что скучает и мёрзнет, а Иван замыкал шествие, его внимательный взгляд постоянно скользил по окружающему леску, по склонам, будто он охранял не их, а что-то другое.

Холм оказался выше и круче, чем казалось снизу. С каждым шагом открывался всё более впечатляющий вид на долину, тонущую в молочном море тумана. Воздух стал разрежённым, дышать становилось труднее. И тишина... Тишина была необычной. Не просто отсутствием звуков, а каким-то плотным, вязким полем, поглощающим даже шум их шагов, их тяжёлое дыхание и далёкий крик птицы. Казалось, они вошли в зону, где звук терял свою силу.

И вот они вышли на вершину.

Это была не просто верхушка холма, а искусственно выровненная площадка, огромная, диаметром метров тридцать, как будто кто-то гигантской ложкой снял верхушку. И посреди неё, образуя почти идеальный круг, стояли камни. Семь массивных, грубо обработанных мегалитов, тёмно-серых, почти чёрных, покрытых толстым слоем зелёного, жёлтого и оранжевого лишайника, как древней броней. Они не были такими огромными, как в Стоунхендже, но каждый был выше человеческого роста, широкий, с грубыми гранями, и внушал необъяснимое почтение, граничащее со страхом. Казалось, они не были принесены сюда, а выросли из самой земли, как каменные зубы древнего, спящего чудовища. Внутри круга лежал ещё один камень, плоский и широкий, похожий на алтарь или жертвенный стол.

Катя замерла на краю площадки, зачарованная. Даже Максим, со всем своим скепсисом и холодком в груди, почувствовал невольный трепет. Само место дышало могуществом. Только это было не эзотерическое ощущение, а чисто физическое — как перед грозой, когда волосы встают дыбом от статического электричества. Воздух здесь звенел на неслышной, низкой частоте, от которой начинали ныть зубы.

— Вот они, — прошептала Алиса, и в её голосе не было привычной весёлости, а было тихое, безоговорочное благоговение. — Семь Стражей. Лунный Алтарь в центре. Место, где спит сила. Где она ждала. Долго ждала.

— Это... Это потрясающе, — выдохнула Катя. Она медленно, почти на цыпочках, как будто боялась потревожить чей-то сон, подошла к ближайшему камню и осторожно, почти робко, коснулась его ладонью. — Они... тёплые. Странно, на ощупь они не холодные, а тёплые. Как живое тело, которое долго лежало на солнце.

Максим, преодолевая внутреннее сопротивление, подошёл к центральному камню-алтарю. На его поверхности, несмотря на эрозию и лишайники, угадывались те же символы, что и в дневнике, и на полу в поместье. И ещё какие-то углубления, похожие на чаши или отпечатки.

— Что это? Для жертвоприношений? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

— Возможно, — ответила Алиса, стоя теперь рядом с Иваном на краю круга. Они не стали заходить внутрь, как будто соблюдая невидимую границу. — Или для подношений. Цветов, плодов, мёда... крови. В старину верили, что кровь оживляет камни, даёт им силу, будит спящих в них духов. Особенно кровь, связанная с местом... или с людьми, которые когда-то здесь были сильны.

Максим почувствовал, как по спине снова побежали мурашки. *«Кровь не обманешь»*.

Катя достала дневник и открыла его на странице со схемой.

— Смотрите! — она показала рисунок Алисе. — Здесь точно такая же конфигурация! И эти символы! Она писала, что для «пробуждения» нужно... — она перевела взгляд на центральный алтарь, — нужно положить «Лунный Серп» в центральную чашу и... произнести слова приветствия. Ключ.

— У вас есть этот «Лунный Серп»? — спросила Алиса, и в её голосе прозвучало острое, неподдельное любопытство.

— Нет, конечно, — покачала головой Катя. — Это, наверное, метафора. Или какой-то давно утерянный артефакт, который она где-то нашла. Может, какое-то украшение.

— Или не утерянный, — тихо, но очень чётко сказал Иван. Его глаза в этот момент были прикованы не к дневнику, а к Максиму. К его рукам.

Максим проигнорировал его взгляд. Он обошёл алтарь, разглядывая символы. Его мозг, отчаянно цепляясь за привычные паттерны, пытался анализировать. Эти углубления... они напоминали не чаши, а скорее... точки подключения. Как разъёмы на материнской плате. А расположение камней... как схема платы, только в макромасштабе, примитивная, но неслучайная. *Каменная материнская плата*, — мелькнула мысль, и он тут же отогнал её как бред. Но аналогия засела в голове.

— А что за слова приветствия? — спросил он скорее из вежливости, чтобы разрядить натянувшееся молчание.

Катя посмотрела в дневник, перелистнула страницу.

— Здесь... странная фраза. Не на латыни, не на староанглийском. Что-то вроде... «Аннара кель-дро́шин». Звучит как бессмыслица. Может, искажённый кельтский или ещё что постарше.

— Попробуй произнести, — внезапно предложила Алиса. Её голос прозвучал неестественно ровно, без привычных эмоций. — Вдруг сработает? Только представь, если камни ответят! Это же будет историческое открытие!

Катя смущённо засмеялась, покраснев.

— Не будем устраивать шаманское шоу для древних духов. Хотя... — она оглядела торжественный круг, и в её глазах мелькнул огонёк авантюризма. — А почему бы и нет? Но только ради науки! И чисто гипотетически!

Она сделала шаг к центру, к алтарю, подняла дневник и, с комичной, преувеличенной серьёзностью, как актриса в плохой пьесе, прочла:

— Аннара кель-дро́шин!

Ничего не произошло. Только ветер чуть усилился, пробежав по вереску на склонах холма с тихим, насмешливым шелестом.

— Ну что я говорила, — разочарованно, но с облегчением вздохнула Катя. — Красивая метафора и больше ничего. Поэзия.

— Может, нужно сделать ещё что-то, — не отступала Алиса. Её взгляд снова скользнул к Максиму, настойчивый, почти гипнотизирующий. — Жест, например. В дневнике есть описание жеста? Иногда слова — это ключ, а жест — поворот ключа в замке.

Катя перелистала страницы, водя пальцем по строчкам.

— Есть... вот. «И воздел руку к луне, и тень её пала на чашу, как серп, разрезающий ночь...» Это, наверное, опять поэзия. Описание какого-то ритуала, который она придумала.

— Попробуй, — настойчиво повторила Алиса. Её зелёные глаза горели странным, почти голодным огнём. — Сделай этот жест. Над центральным камнем. Просто ради эксперимента. Чтобы сказать: мы были здесь, мы попытались.

Катя пожала плечами, улыбаясь. Что ей стоило? Она подняла руку, сложив пальцы в подобие полумесяца, и провела ими над одной из чаш на алтаре, отбрасывая воображаемую тень от невидимой луны.

— Вот так? Та-дам! Магия не сработала. Увы и ах. Духи, видимо, выходной взяли.

Она рассмеялась. Алиса и Иван не засмеялись. Они смотрели на Максима. Серьёзно. Ожидая.

— А ты? — спросил Иван прямо. Его голос разрезал тишину, как нож масло. — Попробуешь? Может, у мужчины другая энергетика. Или другая тень.

— Я? — фыркнул Максим, чувствуя, как неприязнь поднимается комом в горле. — Да зачем? Чтобы окончательно почувствовать себя идиотом, размахивающим руками перед этими

древними булыжниками? Нет уж, спасибо. Я свою долю позора в виде этого дневника уже получил.

— Боишься? — мягко, почти ласково спросила Алиса, и в её тоне была ядовитая, колючая иголочка.

Это задело его. Не само предположение, а этот тон. Этот взгляд, будто они знают что-то, чего не знает он сам. Им нужно, чтобы он это сделал. Почему? Что они хотят увидеть?

— Да не боюсь я, — буркнул он, чувствуя, как кровь приливает к лицу. — Просто считаю, что это глупо и лишено всякого смысла. Детские игры.

— Макс, да ладно, — подбодрила Катя, ещё не чувствуя подвоха, видя лишь его упрямство. — Сделаем смешное фото для инстаграма. «Программист вызывает духов камней в рабочее время». Это же весело!

Она уже достала телефон. Максим вздохнул. Что ж, черт с ними. Сделают он их дурацкий жест, они посмеются, сфотографируют, и всё. Может, тогда эта парочка отстанет, и они смогут спокойно осмотреть место и уехать. Он устал от этого напряжения.

— Хорошо, хорошо, — сдался он, делая вид, что ему всё это надоело. — Давайте быстрее, а то я замерз уже окончательно.

Он нехотя подошёл к алтарю. Камень под ногами действительно был странно тёплым, как будто его только что нагрело солнце, которого не было. Он поднял правую руку, повторив жест Кати — пальцы, сложенные в подобие полумесяца. *Бред. Полный бред.* Он наклонил руку так, чтобы «тень» от пальцев упала на ту самую центральную чашу, углубление в камне.

— Ну, смотрите, — сказал он с сарказмом, глядя на Алису и Ивана. — Аннара кель-что-то там. Абракадабра. Оживайте, камни, у меня дедлайн через... ох!

Он не договорил.

Сначала ничего не было. Только насмешливый взгляд Кати и напряжённые, застывшие лица Алисы и Ивана. А потом... пальцы, сложенные в полумесяц, вдруг сами по себе дёрнулись. Непроизвольно. Словно по ним пропустили слабый ток. Боль, острая и сухая, пронзила суставы, как будто кости хотели сломаться и принять новую, неестественную форму. Максим вскрикнул от неожиданности и боли.

— Макс? — испугалась Катя, откладывая телефон.

Но он уже не мог ответить. Его кисть, сжатая в странную, изломанную фигуру, будто показывающую какой-то древний, забытый знак, сама опустилась и ткнулась указательным пальцем прямо в углубление на алтаре. Острый, неровный край камня оцарапал кожу, и капля крови, тёмно-алая и живая, упала в чашу, исчезнув в тёмном углублении.

И после этого мир завертелся.

Земля под ногами дрогнула. Не сильно, не как при землетрясении, но ощутимо, как предвестник чего-то неотвратимого. Тихое гудение, которое висело в воздухе, превратилось в низкий, мощный гул, исходящий от самих камней, будто они были гигантскими камертонами. Они замерцали. Сначала слабым, едва уловимым сиянием, как тлеющие угли в пепле. Потом свет стал нарастать, превращаясь в лилово-багровый, пульсирующий, в такт какому-то неведомому, древнему сердцебиению.

— Максим! — закричала Катя, но её голос потонул в нарастающем гуле, который теперь заполнил всё пространство.

Свет из камней потёк по вырезанным на алтаре каналам-символам, заполняя их, как жидкий металл, как кровь по венам. И система эта ожила. Рисунки засияли пронзительным, неземным светом, линии света соединили центральный алтарь с каждым из семи стражей. Круг замкнулся. Замкнулась цепь.

Воздух затрещал, запахло озоном, как после близкого разряда молнии, и чем-то ещё — пылью веков, сухими, горькими травами, холодным железом и... пеплом. Из центрального алтаря, прямо из чаши, куда упала его кровь, вырвался столб. Но не света. Сгустившейся, клу-

блещейся тьмы. Он закрутился, сформировав в центре круга плотную, чёрную воронку, всасывающую в себя свет и звук.

И из этой воронки вышла Она.

Сначала это была лишь тень, клубок мрака холоднее самой глубокой зимней ночи. Потом тень обрела форму — женскую, высокую, стройную, в развевающихся одеждах, которые были не тканью, а самой тьмой, звёздной пылью и вековой, невыносимой болью. Воздух вокруг неё искривился, как над раскалённым асфальтом в зной. Она парила в сантиметре от земли, и от неё исходил леденящий холод, который обжёг кожу, как сухой лёд.

Максим не мог пошевелиться. Его рука была всё ещё прижата к камню, и он чувствовал, как по ней, от кончика порезанного пальца, вверх по руке, к плечу, к сердцу, к самому мозгу, бежит волна... не боли. Знания. Древнего, чужого, ужасающего. Картины пронесли перед его внутренним взором, как вспышки: каменная комната с гобеленами, трепет свечей, любовный шёпот, запах духов и воска, а потом — леденящий страх, лезвие предательства, холод стали у горла и жгучую, разрывающую боль в сердце. И ненависть. Такую всепоглощающую, бесконечную, как сама вечность, отчаянную и одинокую.

Тень обернулась. У неё не было лица в человеческом понимании. Там, где должны были быть глаза, горели две точки багрового, немигающего огня. Не глаза — угли. Они уставились прямо на Максима. Заглянули в самое глубокое, тёмное место его души, в тот самый код, что был написан в его генах, в его крови.

Голос прозвучал не в ушах, а прямо в сознании, раздирая его изнутри, как ржавая пила. Он был низким, шипящим, полым, как звук в пустом склепе, и в то же время пронзительным, женским, искажённым страданием и яростью, которой хватило бы, чтобы спалить весь мир.

— КРОВЬ...

Она сделала шаг, вернее, проплыла в воздухе ближе. Холод стал невыносимым, выжигающим кислород.

— ...ПРЕДАТЕЛЯ.

Ещё шаг. Максим почувствовал, как лёгкие обжигает ледяной воздух, и ему нечем дышать.

— Я... ЧУЮ... ЕЁ. В ТЕБЕ.

Багровые огни-глаза полыхали, отражаясь в его широко раскрытых от ужаса зрачках. Катя застыла в немом ужасе, зажав рот ладонями, слёзы катились по её лицу. Алиса и Иван стояли неподалёку, и на их лицах не было страха. Было торжество. Напряжённое, выстраданное ожидание. Ожидание конца долгого пути.

— ТЫ... ЕГО ПОТОМОК. КАПЛЯ ЕГО КРОВИ... В ЭТОМ МИРЕ.

Тень — дух, призрак, видение — подняла руку, сотканную из тьмы и лунного света. Пальцы, длинные и острые, как ледяные когти, протянулись к его горлу. К жизни.

— МИХАИЛ... — прошипело в его мозгу, и это имя прозвучало как проклятие, как приговор, как последнее слово на суде. — ОН ОТНЯЛ ВСЁ. ТЕПЕРЬ... Я ВОЗЬМУ ТЕБЯ. ВОЗЬМУ ЕГО КРОВЬ. ЕГО ДОЛГ. ЕГО ЖИЗНЬ.

Ледяные пальцы почти коснулись его кожи. Вся вселенная сузилась до этих двух багровых точек и всепоглощающего холода смерти, который promised oblivion. Инстинкт самосохранения, заглушённый шоком, наконец крикнул в нём. Пронзительно, из самой глубины души. НЕТ!

Максим, не думая, не понимая, что делает, резко дёрнул руку от камня. Не просто дёрнул. Он сделал это с тем же отчаянным, внутренним воплем отрицания. Как будто пытался стереть фатальную ошибку в коде, удалить вирус, выдернуть шнур из розетки горящего прибора. УДАЛИТЬ. ОТМЕНИТЬ!

И произошло нечто.

Свет, лившийся из камней, рядом с ним — дрогнул. Исказился. Пульсирующий багровый поток вокруг призрачной фигуры как будто завис, на мгновение прервался, словно в сигнале возникли помехи. Сама Моргана, её сотканная из тени рука, на миг потеряла чёткость, став полупрозрачной, почти невидимой. Раздался звук — не гул, а скрежет, как будто две реальности, две разные частоты терлись друг о друга, пытаясь вытеснить одна другую.

Это длилось долю секунды. Меньше. Но этого хватило.

— СЕЙЧАС! — крикнула Алиса, и в её голосе не было ни страха, ни сомнений, только холодная, отточенная команда, пробивающаяся сквозь рёв пробудившейся силы.

Иван рванулся с места с пугающей, неестественной скоростью. Он не побежал к Максиму или Кате. Он метнулся к одному из камней по кругу, к тому, что стоял чуть поодаль, и ударил по нему не кулаком, а раскрытой ладонью в странной, специфической точке. Камень дрогнул, и свет от него погас, словно выключили лампочку. Баланс нарушился. Круг силы, сконцентрированный на пробуждённом духе, затрещал по швам, как перегруженная электросеть.

Призрак издал звук — нечеловеческий визг ярости, боли и бессилия, от которого кровь стыла в жилах, а в ушах звенело. Её форма заколебалась, поплыла, стала распадаться на клочья чёрного тумана.

— БЕГИТЕ! — заорал Иван, поворачиваясь к ним. Его лицо было искажено нечеловеческим усилием, будто он держал на плечах невидимую, исполинскую тяжесть. — К МАШИНЕ! НЕ ОГЛЯДЫВАЙТЕСЬ! НЕ ОСТАНАВЛИВАЙТЕСЬ!

Катя, наконец вырвавшись из ступора, схватила Максима за руку. Он был как в тумане, его разум пытался обработать случившееся: ожившие камни, призрак, его собственная... помеха? Что это было? Почему всё задрожало, когда он дёрнул руку?

Они бросились бежать вниз по тропе, спотыкаясь, падая, цепляясь за колючий вереск. Сзади, с вершины холма, гремел гул, слышались крики — Алисы? Ивана? И этот всепроникающий, леденящий душу вой призрачной сущности, которая не хотела отпускать свою добычу.

Они добежали до «Ленд Ровера». Катя толкнула Максима на заднее сиденье и прыгнула сама, захлопнув дверь. Через мгновение к машине подбежали Алиса и Иван. Иван был бледен как полотно, под глазами синяки, у него из носа текла алая струйка крови. Алиса, запрыгнув на место водителя, завела двигатель и рванула с места, не дожидаясь, пока дверь за Иваном захлопнется. Тот влетел в салон на ходу.

Машина помчалась по тропе, подпрыгивая на кочках, срываясь в скольжение на мокрой траве, глохла на мгновение и снова взревела мотором. В зеркале заднего вида Максим увидел вершину холма. Столб багрово-чёрного света всё ещё бил в небо, но он был неустойчивым, колеблющимся, как пламя на ветру. Вокруг него, как воронки, кружились облака тумана, затягиваемые в эту чёрную дыру. И на самой вершине, на фоне этого кошмарного, невозможного зрелища, стояла одна-единственная, чёткая тёмная фигура. Женская. Не распадающаяся. Она смотрела им вслед. И он знал, не сомневался ни секунды, что она смотрит именно на него. В его душу. В его кровь.

— Что... что это было? — выдохнула Катя, дрожа всем телом, как в лихорадке. — Что это, Макс? Галлюцинация? Массовый гипноз? Мы все... мы все это видели?

Максим смотрел на свою руку. На указательном пальце была небольшая царапина от камня. Кровь уже запеклась, но он чувствовал жжение, идущее изнутри. Не от раны. От чего-то другого. От той странной вибрации, что пробежала по нему, когда он дёрнул руку и мысленно крикнул «НЕТ!». От ощущения, что он на секунду *вмешался*. В процесс. В систему.

— Это была не галлюцинация, — хрипло сказал он, глядя в окно на мелькающие, убегающие холмы. — Это было что-то настоящее. И оно... оно меня узнало. Назвало по имени. Предка.

Он посмотрел на Алису и Ивана на передних сиденьях. Алиса сосредоточенно, почти яростно вела машину, её лицо было жёстким, губы сжаты. Иван вытирал кровь с лица рука-

вом, его глаза в зеркале заднего вида встретились с Максимом. В них не было ни удивления, ни паники. Было лишь тяжёлое, усталое удовлетворение. И холодное подтверждение. Подтверждение какой-то страшной догадки.

«Шанс выпадает раз в столетие», — вспомнил Максим запись. *«Кровь не обманешь».*

Его кровь. Кровь предателя. Потомка Михаила, того самого, что столетия назад убил ведьму. Софью де Богарне. Моргану.

Машина вылетела на основную, чуть более наезженную дорогу. Алиса резко свернула в сторону, противоположную их гестхаусу, и нажала на газ.

— Куда мы? — спросила Катя, испуганно озираясь, как будто из темноты сейчас выскочат тени. — Нам в «Ястребину голову»! Наши вещи! Мы должны...

— Нельзя, — коротко, отрывисто бросила Алиса, не оборачиваясь. — Они уже знают, где вы остановились. И знают, кто вы. Что вы. Вам нужно исчезнуть. Сейчас. Прямо сейчас.

— Кто «они»? — почти закричала Катя, её голос сорвался от напряжения. — Что происходит? Вы кто такие на самом деле? Что это за фокусы? Что вы сделали?

Иван обернулся. Его серые глаза были холодны и беспощадны, как сассекский гранит в ноябре.

— Мы те, кто вас нашёл первыми, — сказал он, и каждое слово падало, как камень. — И те, кто попытается вас спасти. Пока не поздно. Пока за вами не пришли другие. Те, для кого вы всего лишь ключ. Или живой артефакт. Или добыча. Вы только что включили маяк, который виден всем, у кого есть глаза, чтобы видеть не только свет.

Максим сжал свою порезанную руку в кулак, чувствуя пульсацию крови, которая теперь казалась ему чужой, опасной, заряженной древним проклятием и привлекающей к себе взоры неведомых охотников. Он выглянул в окно. Туман сгущался, поглощая дорогу позади них. Но он был почти уверен, что там, в этой белой, слепой мгле, за ними уже следят. Не люди. Что-то другое. Охота началась. А он, сам того не ведая, только что подал громкий, яркий, невозможно сильный сигнал всему миру, о существовании которого даже не подозревал. Сигнал о том, что ключ — найден. И он активен.

Машина неслась по узкой, петляющей между холмами дороге, унося их прочь от камней, от призрака, от прошлого, которое вдруг стало страшным, живым настоящим. Алиса вела её с почти механической решимостью, не глядя на задние сидения. Иван, сжав кулаки на коленях, пристально смотрел в боковое окно, его напряжённая спина была словно каменной глыбой, готовой принять на себя удар. Катя всё ещё дрожала, прижимая к себе рюкзак с дневником, как единственную ниточку, связывающую её с нормальным, объяснимым миром. Максим смотрел на свою руку, на пульсирующую царапину.

И знал, что их старая жизнь кончилась. На вершине того холма. Под взглядом тех багровых, нечеловеческих глаз.

Глава 4. Первая кровь

«Ленд Ровер» мчался по узкой дороге не как автомобиль, а как снаряд, выпущенный из катапульты. Он вгрызался в повороты с хрустом гравия и пронзительным визгом резины, которая вот-вот должна была отказать. Алиса за рулём больше не была улыбчивой энтузиасткой-краеведом. Она превратилась в холодный, расчётливый алгоритм, считывающий траекторию, скорость, риски. Её пальцы, сухие и цепкие, впивались в руль, с такой силой, что белели костяшки. Иван, полуразвернувшись на пассажирском сиденье, сканировал окрестности через боковое стекло и зеркало заднего вида. Его дыхание было ровным, словно он был не человек, а автомат, только напряжённая линия плеч выдавала готовность к взрыву.

Максим сидел на заднем сиденье, прижав к груди руку с порезанным пальцем. Кажется, он всё ещё чувствовал прикосновение того ледяного, нечеловеческого взгляда. Его мысли путались, весь процесс анализа, обычно язвительный и метафоричный, был сбит, как зависший процессор. Система дала сбой. Реальность, та самая, где работают законы физики, логики и дедлайнов — треснула, и из трещины хлестал ледяной ад древней ненависти.

— Что это было? — его собственный голос прозвучал чужим, хриплым, как после долгого молчания. — Кто... кто это был на холме? Это была она? Софья?

Катя, сидевшая рядом, содрогнулась, услышав имя. Она прижимала к себе рюкзак с дневником, будто эта потрёпанная кожа могла служить щитом от безумия, которое они только что видели.

— Моргана, — резко, без интонаций, выдохнул Иван, не отрывая взгляда от темноты за окном. — Дух. Призрак. Проклятие. Называйте, как хотите. Её имя — Моргана. Или то, что от него осталось после того, как ваш предок, Михаил, выстрелил ей в сердце серебряной пулей.

«Моргана». Имя пахнуло пылью склепов, пеплом костров и холодной сталью. Оно было тяжелым, как тот центральный камень-алтарь.

— Не может быть, — прошептала Катя, но в её голосе уже не было прежней, академической уверенности. Была дрожь. Живой, животный ужас перед тем, что не вписывалось ни в один фолиант, ни в одну диссертацию. — Призраков не существует. Это... коллективная галлюцинация. Истерия. Эффект внушения в месте с сильным геомагнитным полем!

— Твой бойфренд только что своей кровью и своим жестом, точь-в-точь как на схеме в её дневнике, запустил протокол пробуждения, который не активировался два столетия, — парировала Алиса, резко вырываясь, чтобы объехать поваленную ветром ольху. Её голос был сухим и говорила она быстро, словно выдавала отчёт системы на экран монитора. — Геомагнитные поля так не работают. Истерия не пахнет озоном и не заставляет камни светиться изнутри. Прими, исследователь: магия существует. И она только что чуть не съела твоего парня как закуску во искупление своей вечной мести.

— Мой жест... — Максим смотрел на свои пальцы. Они всё ещё немели, будто после удара током. — Я ничего не делал. Я просто... повторил за Катей. Чтобы отвязаться...

— Ты сделал больше, — Иван повернул к нему голову, и его серые глаза в полумраке салона казались слепыми, как у рыбы. — Ты сделал это с кровью. Своей кровью. Твой жест был идеальным, даже если ты этого не осознавал. Твоя ДНК — криптографический ключ. И он сработал. Ты разбудил стражу. И хозяйку.

«Криптографический ключ». Термин из его мира, встроенный в этот кошмар. От этого не стало легче. Стало ещё страшнее. Его тело, его кровь оказались частью чужого, древнего кода, о котором он ничего не знал.

— За нами, — внезапно, одним словом, бросила Алиса.

Максим инстинктивно обернулся. Через грязное заднее стекло, в колеблющемся свете задних фар, он увидел вдалеке, на гребне холма, который они только что покинули, три точки.

Не огни. Сгустки холодного, зеленоватого свечения, плывущие над самой землёй. Они двигались неестественно быстро, не обходя препятствия, а как будто проходя сквозь них, оставляя в тумане слабые, фосфоресцирующие шлейфы.

— Что это? — спросила Катя, и её голос сорвался.

— Охотники. «Чистильщики» Совета Ковенов, — сквозь зубы процедил Иван. Он уже достал из-под сиденья длинный, узкий кожаный чехол и расстегнул его. Внутри, в чёрном войлоке, лежали две вещи: стальной, отполированный до матового блеска тесак с короткой, широкой рукоятью и... странный предмет, похожий на утяжелённую металлическую перчатку с резными, мерцающими медными вставками на костяшках пальцев. — Они чувствуют всплеск силы, как акулы кровь. Идут по следу.

— Совет Ков... что? — попытался возразить Максим, но его перебил резкий, электронный визг из динамиков машины. Радио, настроенное на местную волну, захлебнулось белым шумом, а затем заговорило металлическим, безэмоциональным голосом, словно сгенерированным компьютером.

«Внимание. На территории графства Сассекс введён карантин пятого уровня. Всем гражданским лицам предписано немедленно покинуть зону в радиусе пяти миль от эпицентра аномалии. Повторяем...»

Эпицентр аномалии. Это про них. Про него.

— Они уже начали, — Алиса вжала педаль газа в пол. Двигатель взревел от натуги. — Создают прикрытие. Отсекают свидетелей. Значит, будут действовать жёстко и быстро.

Зелёные огни сзади становились ярче. Теперь их было видно отчётливо — три сигарообразных силуэта, скользящих в метре над землёй. Они не были призраками, как Моргана. Они были плотными, материальными, и от них исходила тихая, зловещая вибрация, которую Максим ощущал даже сквозь стальной кузов машины. Его внутренний «антивирус» вопил сиреной: угроза! Угроза высшего уровня!

— Не оторвёмся, — констатировал Иван, натягивая странную перчатку. Медные вставки на ней мерцали тусклым, внутренним светом, как спящие светодиоды. — Придётся принимать бой. Катя, Максим — вы остаётесь в машине. Не высовывайтесь. Что бы ни происходило, не выходите.

— Принимать бой? С чем? С этими... — Катя не нашла слов.

— С исполнительными процессами Совета, — сказал Максим, и его собственный голос удивил его своей холодной, аналитической отстранённостью. Его мозг, отчаянно цепляясь за знакомые аналогии, пытался систематизировать хаос. — Они послали на устранение «бага» специализированные утилиты. Выглядит как стандартная процедура ликвидации угрозы в корпоративной среде. Только вместо фаерволей и антивирусов — эти... штуки.

Иван на секунду задержал на нём взгляд, и в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения. Скудного, профессионального.

— Примерно так. Только здесь цена сбоя — наша жизнь.

Алиса резко свернула с дороги на старую, размытую колею, ведущую в чащу старого леса. Ветки хлестали по лобовому стеклу, царапали борта. «Ленд Ровер» кренился, подпрыгивал на корнях. Зелёные огни не отставали. Они просто проходили сквозь деревья, оставляя на стволах дымящиеся, опалённые следы.

— Здесь! — крикнула Алиса, выворачивая руль до упора. Машина вылетела на небольшую поляну, окружённую чёрными, молчаливыми соснами, и резко замерла, зарываясь колёсами в мягкую подстилку из хвои.

— Выходи! — Иван уже распахнул свою дверь и выкатился наружу, ловко, как хищник. Алиса последовала за ним, выхватив из-под водительского сиденья компактный, угловатый пистолет, который явно не был огнестрельным оружием в обычном понимании — на его дуле поблёскивал сложный хрустальный наконечник.

Максим инстинктивно потянулся к ручке двери, но Катя схватила его за запястье.

— Ты слышал их! Сиди тут! Ты же не умеешь... сражаться с призраками!

— Я не умею, но, кажется, я кое-что умею другое, — пробормотал он, глядя на три зелёных огня, которые, замедлив ход, плавно всплыли на поляну и зависли в воздухе, образуя треугольник вокруг машины. Теперь можно было разглядеть детали. Это были человекообразные фигуры, одетые в обтягивающие чёрные комбинезоны без единого шва. Лиц не было — вместо них гладкие, полированные маски без глазниц и рта, испещрённые мелкими, мерцающими руническими символами. В руках (если это можно было назвать руками) они держали продолговатые устройства, похожие на странные гибриды арбалета и кадила.

Воздух на поляне загудел. Давление снова изменилось, на этот раз сдавив уши, как при спуске на глубину. Пахло статическим электричеством и... мятой. Резкой, химической мятой.

Один из «Чистильщиков» поднял своё устройство. На конце его вспыхнула сфера молочно-белого света, бесшумная и слепящая. Максим зажмурился, но свет бил не в глаза — он бил в мозг. Волна оглушающего, диссонирующего звука, ниже любого слышимого диапазона, прокатилась по поляне. Стекло в машине задрожало и на нём поползла паутина трещин. У Максима закружилась голова, в висках застучало. Это была не просто атака. Это была попытка стереть сознание, отформатировать разум до состояния овоща.

Иван не стал ждать второй волны, рванулся вперёд с невозможной для человека скоростью. Не бежал, а скорее, скользил над землёй, как тень. Его тесак в правой руке вспыхнул холодным, серебристым пламенем. Он не рубил, а наносил колющие, точные удары в точки на масках и груди охотников, где мерцали руны. При каждом попадании раздавался хрустальный звон, как от разбиваемого стекла, и руны гасли. Его левая рука в медной перчатке была прижата к груди. Перчатка гудела, и от неё расходились волны едва видимого, дрожащего воздуха, которые, казалось, гасили часть того оглушающего гула.

Алиса действовала иначе. Она присела на одно колено, уперла странный пистолет в локоть и стреляла короткими, хлесткими очередями. Не пулями. Сгустками сжатого, раскалённого воздуха, которые со свистом прорезали пространство и, попадая в охотников, не пробивали их, а вызывали локальные, яркие вспышки — будто её выстрелы были антивирусами, атаковавшими чужеродный код. Маски охотников покрывались сеткой трещин, их движения становились прерывистыми, как у роботов с повреждённой логической платой.

Но их было трое. И они были безликим, безэмоциональным механизмом. Один, от которого Иван отбивался тесаком, вдруг резко развернулся и ударил его не оружием, а открытой ладонью. Из центра ладони вырвался тонкий, изумрудный луч. Иван едва успел подставить левую руку с перчаткой. Луч ударил в медные пластины. Раздался оглушительный треск, Иван отлетел на несколько метров, врезался в сосну и осел на корни, трясая головой. Перчатка на его руке дымилась, а медные вставки почернели. После такого руны на теле первого охотника погасли и он повалился на траву.

Второй охотник, игнорируя Алису, направил своё устройство прямо на «Ленд Ровер». Сфера на его конце снова вспыхнула, набирая мощность.

Максим увидел, как лицо Кати исказилось от беззвучного крика. Он увидел паутину трещин на лобовом стекле, сходящуюся в одну точку. Точку, нацеленную на него. Его разум, зажатый в тиски невыносимого гула и нарастающего давления, отчаянно искал выход. Аналогию. Любую.

Это была атака. Целенаправленный энергетический импульс. В его мире это был бы DDoS-атака, попытка перегрузить систему пакетами ложных данных. Или вирус, написанный на неизвестном языке, пытающийся подменить ядро операционной системы.

А что, если... что, если он мог увидеть структуру этой атаки? Не как жертва, а как... архитектор? Как тот, кто случайно, одним жестом, активировал древний протокол?

Он не знал, как это делается, но он знал, как выглядит сбой. Как выглядит ошибка в коде. И сейчас вся поляна была пронизана этим «кодом» — гулом, светом, искажениями воздуха. Это был чужой, враждебный скрипт, выполнявшийся в реальном времени.

Закрыв глаза, сейчас зрение было бесполезно, Максим попытался ощутить. Не свет и звук, а паттерн, рисунок. Структуру. Его собственный страх был шумом, помехой в этот момент. Он отодвинул его, как отодвигают ненужное всплывающее окно. Сосредоточился на том гуле, на его волнах. Они были ритмичными, как машинный код, но в этом ритме... была крошечная, едва уловимая задержка. Микропауза между циклами. Как будто процессор, генерирующий эту атаку, на мгновение «задумывался», прежде чем выдать следующий пакет.

Слепящая сфера на конце устройства охотника уже была размером с футбольный мяч и воздух угрожающе трещал.

Максим не стал думать о силе, а подумал об интерфейсе, о точке входа, о том самом «зависании». Представил себе не стену, которая должна была остановить луч, а крошечный, невидимый клин. Команду «break». Прерывание.

Он не произносил заклинаний. Просто, с той же яростью, с которой бился с неподдающимся кодом в московской квартире, мысленно вставил эту паузу в самую середину ритма, не прервал его, а удлинил. Сделал её критической.

Сфера у охотника дрогнула. Мерцание её света стало неровным и судорожным. Гул, бывший в машину, споткнулся и захлебнулся. Охотник резко, почти по-человечески дёрнул головой и принялся разглядывать своё оружие, будто впервые видел его.

Этого мгновения хватило.

Алиса выстрелила. Её сгусток сжатого воздуха ударил не в охотника, а прямо в ядро световой сферы. Раздался звук, похожий на лопнувший пузырь гигантских размеров, и слепящая белизна сменилась короткой, фиолетовой вспышкой. Охотника отбросило взрывной волной, его маска разлетелась на осколки, под которыми не было лица — только чёрная, пульсирующая, желеобразная масса.

Иван, оправившись, с рёвом бросился на третьего, отвлечённого неожиданным сбоем в системе товарища. Его тесак, всё ещё горящий серебристым холодным огнём, прочертил в воздухе дугу и вонзился в место на груди охотника, где горела самая крупная руна. Тот замер, затрепетал, как строка кода при фатальной ошибке, и рассыпался на сотни мелких, тёмных осколков, которые испарились, не долетев до земли.

Тишина, наступившая после боя, была оглушительной. Слышно было только тяжёлое, хриплое дыхание Ивана и шипение перегретой медной перчатки на его руке. Воздух пах озоном, гарью и той самой химической мятой, только теперь с горьким послевкусием.

Алиса медленно поднялась, её лицо было бледным, но руки не дрожали. Она посмотрела на разбитое лобовое стекло их машины, на второго охотника, который лежал без движения, его тело начало быстро темнеть и распадаться, как биологический материал, лишённый энергии. Потом её взгляд упал на Максима, который сидел в салоне, широко раскрыв глаза, и смотрел на свою руку, будто впервые видя её.

— Ты... что ты сделал? — спросила она, и в её голосе прозвучало нечто новое. Не расчёт, не притворная весёлость. Голый, неподдельный интерес учёного, увидевшего уникальный феномен.

— Я... — Максим попытался сглотнуть, но во рту пересохло. — Я нашёл lag. Задержку в цикле. И... удлинил её.

Иван подошёл к машине и оперся плечом на дверцу, посмотрел на Максима сверху вниз, и в его холодных глазах бушевала настоящая буря.

— Ты не блокировал атаку, — сказал он, и это было не вопросом, а утверждением. — Ты не противопоставил силу. Ты внёс изменение в саму структуру их заклатья.

Максим кивнул, не в силах говорить. Аналогия была слишком точной, чтобы её отрицать.

— Никто так не делает, — прошептала Алиса, подходя ближе. Её зелёные глаза сверкали в полумраке, как у хищницы, учуявшей невероятную добычу. — Маги либо усиливают свои щиты, либо контратакуют своей силой. Они работают в рамках системы. Ты... ты отредактировал чужое заклатье на лету, без знаний о нем.

«Исходный код реальности», — подумал Максим с истеричной, внутренней усмешкой. Звучало как название плохой научно-фантастической книги. Но это только что сработало. Он отладил враждебное заклинание.

— Кто вы такие? — тихо спросила Катя, вылезая из машины. Её голос дрожал, но в нём была сталь. Шок проходил, сменяясь гневом и потребностью в ответах. — И что вы собираетесь с нами делать? Вы знали. Вы знали, что это произойдёт.

Иван и Алиса переглянулись. Молчаливый диалог, длящийся секунду.

— Мы — те, кто пытается выжить в этой войне, которую вы, обычные люди, даже не замечаете, — наконец сказала Алиса. Её тон снова стал практичным, лишённым эмоций. — Мы знали о потенциале места. Мы искали ключ много лет. Но мы не ожидали, что он окажется... таким. — Она кивнула в сторону Максима. — И мы не ожидали, что Совет среагирует так быстро. Они почуяли не просто пробуждение старой силы. Они почуяли нечто новое. И это новое — ты, Максим.

— Что мне с этим делать? — вырвалось у Максима. — Я не хочу этого! Я не просил никакого «потенциала»! Я хочу вернуться домой, к своему коду, к своим багам, которые хотя бы предсказуемы!

— Слишком поздно, — жестко парировал Иван. Он отёр кровь с разбитой губы. — Ты активировал протокол. Ты привлёк внимание Морганы. И Совета. Теперь у тебя два варианта: стать добычей для одной из сторон. Или... научиться быть охотником самому.... Тише....

— Ты чувствуешь? — шопотом спросила Алиса и стала оглядывать туман, что обступил поляну.

—Еще не конец...— бросил Иван, срываясь с места.

Туман впереди вдруг... *затвердел*. Это был не визуальный эффект. Воздух сгустился и стал вязким, непрозрачным и мерцающим странным, нефтяным блеском. В воздухе запахло чем-то старым, пыльным, ещё... озоном и... чернилами? Да, точно, едкий запах старой типографской краски и пергамента.

На границе тумана и края планы, метрах в двадцати, где секунду назад была пустота, теперь стояли трое. Они не вышли из тумана. Они проявились в нём, будто их фигуры отпечатали на самом воздухе. Двое по бокам: мужчина и женщина в тёмной, практичной одежде без каких-либо знаков отличия. Их прикид хоть и походил на военный, но они таковыми не являлись, скорее... охрана или группа поддержки. Лица были пустыми, без выражения, но Максим, чьё зрение изменилось и теперь воспринимало два слоя одновременно, видел странное. От фигур пришедших во все стороны тянулись прозрачные, дрожащие нити, сплетаясь над площадкой в сложную, геометрическую фигуру. Он не знал, что это, но чувствовал, как этот символ давит на волю, словно тяжёлое одеяло, делая каждую мысль вязкой, а каждое движение замедленным.

Стоящий в центре сделал шаг вперёд. Высокий, сухопарый, в тёмно-сером костюме, сидевшем на нём безупречно. Лицо, жёлтое, бесстрастное, с глубокими бороздами, сухие, тонкие губы плотно сжаты в нить. Его глаза, цвета промокшего пепла, медленно прошлись по ним, и Максим почувствовал ледяное прикосновение чего-то, что считывало не лица, а... как сканер, что считывает штрих-код, читая данные. Определяя: силу, уровень угрозы и класс.

Мужчина открыл рот, его голос был настолько лишён интонации, что показался синтезированным и не живым:

— Максим Орлов. Категория: живой артефакт, класс «Ключ». Нарушение: несанкционированная активация апокрифа уровня «Призрак-мститель». Протокол: немедленное изъятие.

Ни объяснений, ни предложений сдать. Он, без рассмотрения дела сразу перешел к наказанию.

— Пошёл ты! — прохрипела Алиса. Она не стала ничего рисовать в воздухе, откинув странное оружие рванула к земле, и из-под её ладоней, с хрустом разрывая траву, вырвались чёрные, скрученные корни старого вяза, острые, как пики. Они понеслись к ногам замерших по бокам мужчине и женщине.

Высокий мужчина, в центре, даже не взглянул в её сторону. Он просто поднял открытую ладонь. Воздух перед Алисой в миг стал густым и плотным, сформировав прозрачный куб вокруг девушки. Алиса замерла в полупрыжке, лицо исказила гримаса яростного усилия, ее заклинание прервалось и корни, не долетев до цели, рассыпались в сухую труху.

Иван не кричал. Он исчез. Его силуэт дрогнул и растаял в тени поваленных деревьев. Через мгновение он материализовался уже за спиной мужчины-охранника, его серый клинок описав короткую дугу ударил в шею.

И снова в дело подключился высокий мужчина. Лёгкий щелчок пальцев. Вокруг охранника полыхнула сфера, не яркий щит, а что-то вроде искажённого мыльного пузыря, внутри которого изображение дрожало и плыло. Клинок соскользнул по его поверхности, не причинив вреда мужчине. Иван отпрыгнул, и на его обычно каменном лице мелькнуло что-то вроде холодного разочарования. Его приём был предсказуем и нейтрализован.

— Неэффективно, — констатировал мужчина, и это прозвучало как выдержка из инструкции. — Ассистент Альфа. Применяйте удержание.

Женщина-охранник подняла руку и просто указала пальцем на Максима. И из её пальца выстрелила молния. Выплеснулся поток ярко-синего, холодного света, который на лету складывался в сложный, трёхмерный узор — переплетающиеся кольца, звенья, замки. Это напоминало схему наручников, ожившую и летящую по воздуху с неумолимой, механической точностью.

Катя бросилась между ними.

— Нет!

Синий узор не замедлился, а просто облетел её, как вода обтекает камень, и продолжил движение к своей цели. Катя вскрикнула от ярости и бессилия, не в силах остановить заклинание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.